

Нелли Игнатова

Время любить

Первая любовь

Книга 1

18+

современный любовный роман

Нелли Игнатова

Время любить. Первая любовь

«Автор»

2026

Игнатова Н. Ю.

Время любить. Первая любовь / Н. Ю. Игнатова — «Автор»,
2026

Маша мечтает о дружбе и любви. Парни не горят желанием дружить с ней, и она придумывает себе друга, Лёшку. Он такой красивый, умный, добрый, гораздо лучше настоящих парней. Только настоящего человека всё равно заменить не может. Да и подруги не верят, что Маша с кем-то дружит. Но чудеса случаются и в жизни! Однажды девушка встречает того, кого придумала. Восемидесятые! Действие романа начинается в мае 1977 года и продолжается до сентября 1984. 16+ (в тексте присутствует упоминание нетрадиционной ориентации, алкогольного опьянения, курения, которые автор осуждает; интимные сцены без анатомических подробностей)

© Игнатова Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. МЕЧТЫ МАШИ	5
ГЛАВА 2. РЕАЛЬНОСТЬ АЛИКА	15
ГЛАВА 3. ВЫПУСКНОЙ БАЛ	33
ГЛАВА 4. ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА	46
ГЛАВА 5. В ПОИСКАХ ПРИЗВАНИЯ И ЛЮБВИ	58
ГЛАВА 6. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС	69
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Нелли Игнатова

Время любить. Первая любовь

ГЛАВА 1. МЕЧТЫ МАШИ

Май – сентябрь 1977 г.

Маша спряталась, чтобы подружки ушли домой без неё. Хотелось после уроков прогуляться в одиночестве. Она любила возвращаться домой из школы одна, не торопясь, глядя по сторонам, останавливаясь там, где захочется. А девчонкам поскорее бы добежать до дома, забросить портфели в угол, и – на лужок у речки, играть с парнями в волейбол. У них и разговоры все только о парнях: кто, с кем, когда, куда и зачем.

Не то, чтобы Маша не любила такие разговоры. Но просто слушать не нравилось, а самой сказать было нечего. Хотя в январе ей исполнилось четырнадцать лет, она еще никогда не дружила с мальчиком.

Все её подружки уже хотя бы раз получали записку с предложением дружбы, ходили в кино или на свидание, или переписывались с парнем. Маше тоже хотелось всего этого. Но в школе парни не обращали на неё никакого внимания, потому приходилось делать вид, что они ей тоже абсолютно безразличны.

Она вышла из укрытия под лестницей, только убедившись, что подружки ушли. От села Лебяжье, где Маша училась в школе, до деревни Золотавино, где она жила, три с половиной километра, и их можно пройти минут за сорок. Но когда она шла домой одна, тратила на дорогу час-полтора, останавливаясь полюбоваться молодыми листочками на березке или первым цветком одуванчика на обочине. Замечала интересное там, где другие ничего особенного не видели. А потому никогда не скучала в одиночестве.

Она шла, наслаждаясь майским солнечным днём, и мечтала, как какой-нибудь парень предложит ей дружбу. Но кто? У тех мальчиков, что нравились Маше, уже есть девчонки. С теми, кто не нравились, сама дружить не хотела. Значит, это должен быть парень не из Машинской школы, то есть совсем незнакомый. Но откуда ж ему взяться, если в Лебяжьем всего одна школа?..

Два года назад, когда Машинские подружки тоже не могли похвастаться дружбой с мальчиками, они придумали тайную игру: например, Таня и Лена представляли себя парнями, надевали брюки, убрали волосы под кепи, и старались говорить басом, разыгрывая кавалеров Маше и Оли. Потом менялись ролями. Маше игра нравилась, она даже иногда жалела, что родилась девчонкой. А как только у Лены, Тани и Оли появились настоящие ухажёры, они перестали забавляться подобным образом.

Теперь Маша решила поиграть в одиночку, просто представить, что незнакомый парень всё-таки появился.

*

Он догнал Машу и спросил:

– Девочка, постой! Это не ты потеряла?

И протянул ключ с самодельным брелоком – двумя рыбками из набора «Юный рыболов», прикрепленными к обрывку цепочки. Этот брелок – единственный в своём роде. Маша сама его смастерила.

– Спасибо. А я и не заметила, как выронила его.

Взяла ключ и пошла дальше. Дорога сворачивала на мост через речку Лебедку и бежала дальше мимо полей и березовых рощиц.

Парень шагал рядом с Машей, посматривал на неё и улыбался. Высокий, стройный, симпатичный, черноволосый и синеглазый. Чем-то похожий на Мишку из фильма «Кортик». Или на Мишку из фильма «Москва – Кассиопея». Маше хотелось, чтобы он выглядел именно так.

Она тоже улыбнулась в ответ.

– А тебя как зовут? – спросил он после недолгого молчания.

– Маша Веселова. А тебя?

– Лёшка... Алексей Морозов.

Да, она хотела, чтобы его звали Лёшка Морозов. Почему? Да просто ей нравилось сочетание этих имени и фамилии.

– А куда ты идёшь? – поинтересовался Лёшка.

– Домой. Я в Золотавино живу, – Маша указала рукой в направлении деревни, пока невидимой за холмами, среди которых петляла дорога.

– Можно, провожу?

– Пожалуйста, только это далеко, целый час идти, если не быстро.

– Я никуда не тороплюсь.

– Лёша, а почему я раньше тебя здесь не встречала?

– Я живу не здесь. В Лебяжье приехал к родственникам, погостить.

– А где ты живёшь?

– В Кирове.

– Я ездила туда несколько раз, с мамой. Не понимаю, как вы там живёте? Столько народу, толпы везде, шум...

– Привычка. А ты в каком классе учишься?

– В седьмом.

– И я в седьмом. Вот совпадение!

– А когда ты домой уедешь?

– Завтра. Но летом снова приеду. Мне здесь очень нравится. Такая красивая природа. Воздух чистый. Лес, река... И ты... нравишься...

*

Так, беседуя с воображаемым Лёшкой, Маша дошла до деревни. У околицы она с ним «попрощалась», договорившись «встретиться» летом.

По улице навстречу шли подруги, давно вернувшиеся из школы.

– Ты чё так поздно? – удивились они.

– Да так... задержалась по делам, – ответила Маша.

– Ой, ну какие дела, учиться осталось всего неделю, – не поверила Таня Юшина. – А двоек у тебя вроде нет, чтобы после уроков оставаться.

– А я и не говорила, что двойку исправляла, – ответила Маша, лихорадочно соображая, какое придумать дело, чтобы девчонки поверили. Как назло, ничего не приходило в голову.

– А чего это ты сияешь, как лампочка на новогодней ёлке? – вдруг подозрительно спросила Лена Золотавина.

– Разве? – удивилась Маша.

– Ну да, – кивнула Оля Золотавина. Они с Леной не сёстры, однофамилицы. – Улыбка до ушей, и глаза блестят так радостно, словно тебе сам Сашка Банников дружбу предложил.

Сашка Банников был на год старше, учился в восьмом классе и слыл самым красивым мальчиком в школе. Все девочки с пятого по десятый класс мечтали дружить с ним. А Маша теперь не мечтала.

– Нет, не Банников, – не задумываясь, сказала она.

– А кто? Кто? – заволновались подруги, окружили Машу, в их глазах зажглось любопытство, они дергали её за рукава от нетерпения. – Кто, кто он, расскажи, расскажи!

Маша поняла, что оговорилась, приняв желаемое за действительное, и что девчонки не отвяжутся, а ответ: «Никто» их не устроит. Но она всё же сказала:

– Да никто мне ничего не предлагал.

– Нет, предлагал, предлагал! – возразила Оля. – По глазам же видно, что предлагал! Ты сама сказала, что это не Банников. Значит, это кто-то другой! Ну, скажи, кто, мы же тебе все рассказываем.

«Если не скажу то, что они хотят услышать, девчонки обидятся. А если скажу про Лёшку, это будет неправда... А, ну и пусть. Они сами этого хотели», – подумала Маша и сказала:

– Его зовут Лёшка Морозов.

– Лёшка Морозов? – девочки переглянулись – мальчика с таким именем в Лебяжской школе нет.

– Вы его не знаете. Он в Лебяжье в гости приехал, и завтра уже уедет, – пояснила Маша.

– Он в Кирове живёт.

– А он еще приедет? – полюбопытствовала Таня.

– Да, летом, – ответила Маша.

– А он назначил тебе свидание? – спросила Лена.

– Конечно, – убедительно кивнула Маша.

– А он красивый? – чуть смущённо спросила Таня.

– Конечно, – снова кивнула Маша.

– Красивее Банникова? – ревниво спросила Лена – ни для кого не секрет, что она влюблена в Сашку, кроме самого Сашки, разумеется.

Уже три дня, как Банников рассорился с Нинкой Кошкиной из восьмого «А», и Лена надеялась, что теперь он выберет её. Лена очень красивая девочка, и её надежды вполне могли оправдаться.

– Красивее в десять раз, – уверенно заявила Маша. Она хотела сказать «в сто раз», но решила, что это будет слишком неправдоподобно.

– Вот здорово! – с завистью в голосе сказала Оля. – Везёт тебе, Машка!

– Машенька, мы так за тебя рады! Теперь и у тебя есть парень, – в голосе Тани тоже проскользнула нотка зависти. Она-то всего лишь переписывается с мальчиком из Окунево, соседнего с Лебяжским села. И на свидания он её пока не приглашал.

Маше была приятна зависть подруг. Но самое удивительное, они ей поверили! Наверное, им просто в голову не могло прийти, что можно выдумать такое.

– Я всегда знала, что Машке достанется парень, какой нам и не снился, – добавила Оля.

– А ты нас с ним познакомишь?

«Вот и попалась, – подумала Маша. – Знакомить-то мне их не с кем». А вслух сказала:

– Да вы что, девчонки?! Я сама с ним только-только познакомилась. Может быть, потом... когда-нибудь. Если у нас что-нибудь получится.

– А когда у вас свидание? – поинтересовалась Оля.

– А это секрет! – ответила Маша, вырвалась из круга подруг и пошла домой.

«Потом скажу девчонкам, что он не пришёл», – решила она.

Вечером к Маше прибежала Таня – самая близкая из трёх подруг. Она, сгорая от любопытства, выпросила все подробности «встречи» Маши с Лёшкой. Та сначала отнекивалась, было стыдно врать лучшей подруге, но Таня так упрашивала, что Маша не выдержала и расписала «встречу» в ярких красках, решив, что хуже от этого не будет. Лёшка просто «не придёт» на свидание, и на этом враньё закончится.

Подружка ушла очень довольная.

Последняя неделя мая пролетела, как один миг, и с ней закончился учебный год. Маша благополучно перешла в восьмой класс. Наступили долгожданные летние каникулы.

*

Первого июня Маша проснулась абсолютно счастливая. Не надо торопиться в школу, а впереди целых три месяца свободы. Она хотела еще поспать, но услышала мамин голос:

– Дочка, ты проснулась? Сходи в магазин.

– Хорошо, сейчас, – вздохнула Маша. Вот тебе и свобода!

В деревне имелаась небольшая лавка, в которой продавались самые необходимые продукты, хоз- и промтовары: хлеб, крупы, сахар, соль, спички, мыло. А за всем остальным нужно ходить в село. Это было Машинной обязанностью, но она не обижалась: уж лучше идти в магазин, чем грядки полоть.

– Деньги и список на столе, – снова послышался голос мамы. – Позавтракай и отправляйся. А я в огород.

Мама ушла. Маша встала, выпила чаю с бутербродом, переделась в сарафан и уже собралась идти, но в этот момент зашли подруги.

– Привет, Машка, ты куда? – спросила Таня.

– В село, за покупками, – ответила Маша.

– А мы на речку. Позагораем, может, искупаемся, – сказала Лена. – Думали, ты с нами пойдёшь.

– Я бы пошла, но мама послала меня в магазин.

В голосе Маши не было сожаления. Она прекрасно знала, что искупаться не удастся: вода еще холодная, от такого купания никакого удовольствия. Вода прогреется не раньше, чем через неделю или даже две.

– Охота тебе тащиться в село четыре километра по такой жаре, когда всё можно купить в нашей лавке, – скривилась Оля.

– Во-первых, не всё, – возразила Маша. – А во-вторых, не четыре километра, а три с половиной.

Расстояние от деревни до села черт кочергой мерил, поэтому каждый трактовал его, кому как больше нравится.

– А, какая разница, – махнула рукой Оля. – Всё равно неохота. Я бы ни за что не пошла.

– И я тоже, – добавила Лена. – В первый же день каникул работать? Нет уж.

– А, мне всё ясно! – вдруг восторженно воскликнула Таня, осенённая догадкой. – Маш, так ты на свидание идёшь, да? С тем парнем, с Лёшкой Морозовым?

– Да нет, в магазин, – попробовала отговориться Маша, но подруги не поверили.

– Ну конечно, на свидание! – уверенно сказала Оля. – А магазин – это так, для отвода глаз.

– Машка, какая же ты скрытная! – пожурила Лена. – Мы же твои подруги, мы же никому не расскажем!

– Ну да, да, на свидание я иду, – сдалась Маша, мысленно отметив, что подруги просто вынудили её снова соврать. Ничего, скоро это закончится. – Ладно, девчонки, мне пора, а то еще опоздаю.

Она пошла к двери.

– А ты что, совсем не наклеишься? – удивилась Оля.

– А зачем? Я вроде и так ему нравлюсь, – пробормотала Маша.

– А если наклеишься, понравиться еще больше, – сказала Таня.

– У меня нечем, – Маша развела руками.

Она не была красавицей, но уродиной себя не считала. «Я просто симпатичная», – думала она. Симпатичная – есть такое странное и очень удобное слово, которое можно применить ко всем девчонкам, которые не дотягивают до красавиц, но и дурнушками их не назовёшь. Маша не пользовалась косметикой, от природы имея чистую кожу без прыщей и веснушек, маскировать было нечего, как, например, Оле и Тане. Лена была красива и без всякой косметики, но всё равно красилась. И нельзя сказать, что это её портило.

– Давай я тебе дам, – предложила Таня. – Это не займёт много времени, а идти ко мне по пути.

– Ладно, пойдём к тебе, – согласилась Маша, решив, а почему бы не попробовать, раз подруга сама предлагает.

Девочки зашли к Тане, и она выложила перед Машей кучу разных помад, румян, теней для век, тушей для ресниц, пудр и тональных кремов. Кое-что купила сама на сэкономленные от школьных завтраков деньги, кое-что стянула у старшей сестры, а кое-что та сама отдала.

– Выбирай, что хочешь, – щедро сказала подруга.

Маша села к зеркалу, выбрала самую бледную помаду и осторожно провела по губам. Ресницы подкрасила лишь чуть-чуть. Делая это впервые, она боялась захватить щеточкой в глаз. Все тени показались слишком яркими, и она сразу отодвинула их, решив, что цвета не подойдут к её серым глазам.

– Волосы распусти, – подсказала Таня.

Маша расстегнула заколку, и темно-русые пряди рассыпались по плечам. Красиво, но не очень удобно. Она встала.

– Спасибо, Тань.

– И это всё? – удивилась Лена. – А румяна?

– А тени, а пудра? – подхватила Оля. – Ты же ничем не попользовалась!

И всё же эффект был: помада подчеркнула форму губ, а подкрашенные тушью ресницы стали казаться чуть длиннее и пышнее, глаза стали более выразительными. Маша осталась довольна.

– Для первого раза достаточно. А то Лёшка меня не узнает. Ну, мне пора. Пока, девчонки! – ответила она и убежала.

*

Маша прошлась по Лебяжским магазинам, купила всё, что заказала мама, приобрела себе тушь для ресниц и помаду, чтобы больше не побираться у подруг, купила мороженое, и не спеша отправилась домой.

По дороге она решила опять «встретиться» с Лёшкой Морозовым, и погулять с ним в березовой роще. Было так интересно представлять, что рядом идет красивый юноша, и они непринуждённо болтают. А с настоящими парнями она терялась, не зная о чём с ними разговаривать. Может, потому и они не горели желанием беседовать с Машей. С «Лёшкой» же она могла говорить обо всём, что её волнует. За неделю, что прошла с момента их «знакомства», она уже не раз «встречалась» с Лёшкой, но подругам, разумеется, ничего не сообщила.

Едва Маша вошла в деревню, девчонки выбежали навстречу, будто поджидали. Она подозревала, что так и было.

– Ну, как прошло свидание? – с волнением спросила Таня.

– Никак. Он не пришёл, – ответила Маша, довольная, что больше не надо будет врать.

Лицо Тани разочарованно вытянулось. А Оля спросила подозрительно:

– А почему тогда ты так долго ходила? Сознайся, ты просто не хочешь нам о нём рассказывать!

– Машка, бессовестная! – обиженно воскликнула Таня. – Мы же от тебя ничего не скрываем! Я тебе даже Колькины письма давала читать!

– Ну ладно, ладно, – неохотно сдалась Маша, решив, что «расстаться» с Лёшкой она всегда успеет. – Он приходил, и мы немного погуляли.

– Он тебя поцеловал, да? – доверительно спросила Лена.

– Нет.

– Ну как нет, если у тебя вся помада с губ стерлась, – возразила Оля. – Опять ты всё скрываешь!

Маша поняла, что съела помаду с мороженым, но объяснять это подругам бесполезно, всё равно не поверят.

– Ну... мы поцеловались... один раз, – сказала она, краснея оттого, что приходится одну ложь громоздить на другую.

Но подруги решили, что Маша просто стесняется об этом говорить, потому и краснеет, а значит, на самом деле целовалась.

– Тебе понравилось? – с любопытством спросила Таня.

– Конечно, – кивнула Маша, полагая, что это наверняка приятно, иначе люди просто не стали бы целоваться.

– А мне, когда Толик меня первый раз поцеловал, было больно и противно, и синяк на губе неделю не сходил, – призналась Оля. – Я думала, больше никогда целоваться не захочу. И Толика сразу бросила. А потом, когда меня Олег поцеловал, понравилось.

– Мне тоже нравится целоваться, – сказала Лена.

– А я еще ни разу ни с кем не целовалась, – вздохнула Таня и добавила: – Ой, Машка, какая ты счастливая!

– Вы лучше скажите вот что, – проговорила Маша, и подруги с любопытством уставились на неё, готовые просветить по любому вопросу о мальчиках, но она разочаровала их, спросив: – Вы искупались, или как?

Девчонки удивленно молчали, они думали, она спросит, о чём говорить, как вести себя на втором свидании, чтобы оно не оказалось последним.

– А, нет, – наконец, махнула рукой Таня. – Вода-то ледяная.

*

Погожим днём первого сентября Маша шла из школы, и, как всегда, разговаривала с «Лёшкой Морозовым». Она так увлеклась этой игрой, что вымышленный Лёшка стал для неё почти реальным. Она придумала его таким красивым, умным, добрым, что настоящим парням до него было далеко. Едва Маша оставалась одна, к ней сразу «приходил» Лёшка, и они принимались болтать.

Только подруги к концу лета начали подозревать, что Маша водит их за нос, и никакого парня у неё нет. Она показывала им письма от Лёшки, колечко-недельку, и цепочку с подвеской-сердечком, которые якобы подарил он, даже его фотографию. Девчонки вроде верили, но вскоре снова начинали сомневаться, потому что главного доказательства не было: подруги ни разу не видели Машу и её парня вместе. Но она уже не пыталась прекратить врать про Лёшку, наоборот, старалась доказать, что он есть.

– Слушай, Машка, что-то ты темнишь про этого Морозова, – две недели назад заявила Оля.

Маша вспыхнула.

– Олька, ну что ты такое говоришь, ничего она не темнит, – сразу заступилась за подругу Таня.

– Ты говорила, что позавчера твой Лёшка в Лебяжье приезжал, – прищурилась Оля. – И на следующий день утром уехал, так?

– Ну, так, – кивнула Маша. – И что?

– Это вчера, значит, – констатировала Оля. – А вчера моя тётя в Киров ездила, сегодня вернулась, и я у неё спросила, не видела ли она в автобусе, когда туда ехала, такого красивого, высокого, черноволосого синеглазого парня. Так вот, не видела!

– Она что, запомнила всех пассажиров в автобусе? – усмехнулась Маша.

– Ну... – Оля на мгновение смутилась. – Нет, конечно. Но ты сама говорила, что твой Лёшка такой красивый, что его невозможно не заметить.

– А может, его и не было в кировском автобусе, – выкрутилась Маша. – Он мог на котельническом уехать, а дальше на электричке.

– Ну... может быть, – неохотно согласилась Оля.

– Оля, ну чего ты к Машке с её Лёшкой всё пристаешь? – сказала Таня. – Ну, не хочет она пока нас с ним знакомить, может, боится, как бы кто-нибудь из нас его не отбил. Наберись терпения, она обязательно его покажет, когда придёт время. Правда, Маш?

– Ага, – согласилась та. – Когда придёт время.

– Ладно, мы еще немного подождём, – согласилась Лена.

Еще тогда Маша подумала, надо сказать девчонкам, что они с Лёшкой расстались, но не смогла. Не хотела с ним расставаться. Маша добавила:

– Скоро учебный год начнётся, и теперь он долго не приедет.

Она честно хотела сделать вид, что Лёшка не будет приезжать до самых осенних каникул, и ни разу не «встречалась» с ним за эти две недели, только «получила» два письма. Она, как обычно, показала их подругам, и на этот раз Лена попросила предъявить конверты.

– Ну уж нет, – решительно отказалась Маша. Она не могла показать конверты, которых не было. Даже если бы она послала письмо сама себе с Лебяжской почты, на нём не было бы Кировского штампа, и подружки сразу обо всем догадались бы. – На конвертах его адрес написан, а я не хочу, чтобы кто-нибудь его знал, кроме меня.

Таня сочла это уважительной причиной и сказала:

– Я же говорила, Машка боится, что мы у неё Лёшку отобьём. Правильно, никому конверты не показывай.

Подруги успокоились.

На время.

А сегодня они сразу после уроков ушли домой. Маша же забежала в библиотеку, взять что-нибудь почитать, задержалась, выбирая книгу, поэтому отправилась домой одна. Она не расстроилась, наоборот, была рада.

И не выдержала, представила, что Лёшка приехал, не дождавшись осенних каникул. Ведь он ждал встречи с ней так же, как и она с ним.

*

– Привет, Маша! Как дела? – он догнал её у поворота на мост через Лебедку.

– Лёшка, ты приехал! – обрадовалась она.

– Да, чтобы увидеться с тобой.

– Ты же уроки пропустил из-за меня!

– Ничего, не страшно. Первого сентября серьёзных уроков не бывает.

Маша знала, что Лёшка учится на одни пятёрки, и наверняка на его отсутствие на уроках учителя смотрят сквозь пальцы. Но все же спросила:

– А за пропуски тебе двоек не наставят?

– Наставят – исправлю, – беспечно ответил он. – Ну, а ты как учишься? Сама-то двоек не нахватала еще?

– Нет, первого сентября оценок не ставят. А ты пойдёшь в девятый после восьмого класса?

– Да. А ты?

– Я еще не знаю... Представляешь, наша классная на последнем родительском собрании сказала моей маме, что мне после восьмого лучше идти в ПТУ, – возмущённо поделилась Маша с другом. – Знаешь, как обидно! Не так уж плохо я учусь. У меня за седьмой класс всего четыре тройки вышло. Многие учатся хуже меня, и не собираются в ПТУ... Вот назло классной пойду в девятый, а потом и в институт поступлю. Лёш, как думаешь, я смогу?

– Конечно, сможешь, ты же совсем не глупая, Маша! А оценки далеко не всегда соответствуют знаниям.

– Совершенно верно! – с жаром согласилась она. – Некоторые учителя судят об учениках по первому впечатлению. Например, наша математичка никогда не ставит мне пятёрки.

Если я хорошо написала контрольную, она думает, я у кого-то списала, и ставит тройку. А всё потому, что в четвертом классе, когда она первый раз вызвала меня к доске, я не смогла решить задачу. А я тогда волновалась очень, и потому запуталась. Всё-таки школа новая, одноклассники незнакомые, учителя по всем предметам разные... Мне было очень трудно привыкнуть к этому после начальной школы, в которой учительницей была моя мама. Но ты не думай, она никогда не ставила мне пятёрок только за то, что я – её дочь!

– Не расстраивайся, Маша. Будь увереннее, попробуй доказать, что добиваешься всего сама. Я знаю, у тебя полу...»

*

Вдруг она услышала за спиной приглушенные смешки. Лёшка сразу исчез. Маша замолчала на полуслове, оглянулась и увидела подруг в трёх шагах позади. Очевидно, они слышали её «разговор» с «Лёшкой». Увлечшись, она начала говорить слишком громко. К тому же была уверена, что девчонки давно дома.

Подруги окружили Машу.

– Ну что, есть у тебя парень? – насмешливо спросила Оля.

– Да, есть, – упрямо ответила Маша, опустив глаза в землю.

– Мы уже не в первый раз за тобой следим, – добавила Лена. – Говоришь, на свидание пошла, а сама погуляешь одна по Лебяжьему, и домой возвращаешься.

Тут Маша поняла, почему девчонки начали подозревать обман. Они шпионили за ней!

– И разговариваешь сама с собой, как полоумная, – усмехнулась Оля. – Врушка ты, Машка! Ты всё выдумала про Лёшку!

А Таня ничего не говорила, и не усмехалась, просто смотрела на Машу с надеждой: вот сейчас она найдёт какое-нибудь простое и убедительное оправдание своему странному поведению.

Но Маша не нашла, как выкрутиться на этот раз. Да и, честно говоря, надоело врать.

– Ну да, да, я его выдумала! – крикнула она. – Что, вам легче стало?

Маша растолкала подруг и побежала к деревне. Дома закрылась в своей комнате и расплакалась.

Она открыла маме, только когда та пригрозила сломать дверь.

– Машенька, доченька, что случилось? – спросила мама, увидев дочь в слезах.

– Mam, скажи, я уродина, да? – спросила Маша, всхлипывая.

– С чего ты взяла? – удивилась мама, обнимая дочь. – Ты очень симпатичная девочка.

– Тогда, может, я дура?

– Ну что ты такое говоришь! – возмутилась мама. – Электроплитку вот сама починила, и мышеловку сама сделала. А какие оригинальные полочки для книг и цветов придумала! Ну какая дура смогла бы всё это?

– Мама, но если я не уродина и не дура, почему никто не хочет со мной дружить? Почему меня никто не любит? Вон, Оля с Ленкой уже по несколько парней сменили, а я еще ни с одним не дружила!

– Машенька, и ты называешь это любовью? Это же просто флирт, кокетство... Просто твое время еще не настало. А когда придёт время любить, придёт настоящая любовь, ты её сразу узнаешь, вот увидишь.

– Это, как у тебя с папой, да? – спросила Маша, улыбнувшись сквозь слёзы.

– Да, – кивнула мама. – Это было как... электрический разряд... вспышка... озарение, – мамыны глаза засветились, и она сразу стала выглядеть на несколько лет моложе. – Нет, не знаю, как объяснить словами.

Мама не раз рассказывала дочери, как познакомилась с её отцом. Она приехала в деревню, на работу в начальную школу после окончания педучилища. А папу, который работал в совхозе механиком, и приехал в эту же деревню после окончания сельхозинститута всего за

несколько дней до мамы, попросили поехать на автостанцию встретить новую учительницу. Он подал ей руку, когда она выходила из автобуса, они встретились взглядами, и он уже больше не выпускал её руки из своей. Через год школу в той деревне закрыли, и мама с папой переехали в Золотавино, где и родилась Маша. Сначала они жили в школе, в свободном классе, а когда дочке исполнилось три года, папа построил дом, в котором Маша с мамой живут до сих пор.

– Я знаю, – кивнула Маша. – Это была любовь с первого взгляда.

– Да, – согласилась мама. – Но так бывает не всегда. Иногда можно прожить с человеком много лет, и только потом понять, что любишь его. Так было у твоей бабушки.

И эту историю Маша тоже слышала не раз. Бабушку, мамину маму, родители сосватали за совершенно незнакомого парня, и она, конечно же, его не любила, увидела в первый раз всего за несколько дней до свадьбы, и он ей совсем не понравился. И лишь через пять лет совместной жизни, когда у них уже двое детей было, она впервые сказала ему «я тебя люблю».

– А теперь объясни, что всё-таки случилось.

– Ничего, – Маша вытерла мокрые щеки. – Просто подумала, может, я какая-то дефективная, если у меня всё не так, как у других девчонок.

– Быть не такой, как все, совсем не плохо, – сказала мама. – Когда-нибудь ты поймешь.

Маша успокоилась, и мама ушла на кухню. А Маша, оставшись одна, начала корить себя: «Ну зачем, зачем я рассказала девчонкам про Лёшку? Ведь знала же, что рано или поздно всё откроется! Теперь девчонки меня засмеют, да еще и в школе всем расскажут... Господи, я, наверное, со стыда сгорю... Ох, Лёшка, если бы ты знал, как я сейчас ужасно себя чувствую, ты бы обязательно появился... Ну почему тебя на самом деле нет?!»

Сидеть в комнате почему-то стало невыносимо, и она вышла на улицу. Погода к вечеру испортилась, небо затянулось тучами, подул холодный ветер, и начался дождь, но она всё равно отправилась за околицу, на речку, на свой пляж. Пляжик был крошечный, речка мелкая, дно илистое и вязкое, поэтому тут никогда никто не купался. Попасть на этот пляжик непросто: на берегу широкой полосой росли репейники и крапива, а за ними, у самой воды – густые ивовые кусты. Одна только Маша приходила сюда, когда хотелось «побеседовать» с Лёшкой, чтобы их никто не слышал. Местечко красивое, скрытое от чужих любопытных глаз со всех сторон, а тишина нарушалась лишь журчанием воды на перекате чуть выше по течению.

Маша села на поваленное дерево, лежавшее поперек пляжа. На нём она часто сидела летом и представляла встречи с Лёшкой. Мысленно умоляла его появиться, заведомо зная, что это невозможно.

И все же на что-то надеялась.

Она сидела, наверное, целый час. Конечно, и на этот раз никакой Лёшка не появился. Решив раз и навсегда покончить с ним, Маша сняла браслет-неделку и кольцо и бросила в речку. Подумав немного, цепочку отправила туда же, несмотря на то, что подвеска-сердечко ей очень нравилась.

Промокнув и замёрзнув, вернулась домой. Мама топила печку, и Маша бросила в огонь все «Лёшкины» письма. Она хотела отправить туда же и фотографию, но передумала. Потому что человека на фото она никогда не воспринимала, как Лёшку.

Вечером пришла Таня.

– Знаешь, хоть девчонки и говорят, что ты всё выдумала про Лёшку, я им не верю. Я верю тебе, – доверительно сообщила она.

– Ну и зря, – жёстко сказала Маша. – Я правда его выдумала.

– А цепочка? А колечко? А письма? А фотография? – засомневалась Таня. – Может, он и не приезжал сюда, как ты нам говорила, но вы переписываетесь!

– Цепочку и колечко сама купила, – пояснила Маша. – И письма сама писала, левой рукой. А фотка... это мой папа в юности. Мне её в ателье пересняли и отреставрировали, чтобы новой казалась.

– А я тебе на самом деле верила, – разочарованно проговорила Таня и, помолчав, добавила с надеждой в голосе: – Но ты же не нарочно, Маш, правда? Ты же не хотела никого обманывать?

– Да, не хотела, – согласилась она. – Я просто шла и фантазировала, будто познакомилась с парнем. А вы пристали, с кем, да с кем. Я пыталась сказать, что ни с кем, а вы не поверили. Ну, я и сказала... А потом... стала дальше выдумывать. Это было так интересно.

– Ну, вот видишь! – обрадовалась Таня. – Ты не нарочно!

ГЛАВА 2. РЕАЛЬНОСТЬ АЛИКА

Июнь 1977 – июнь 1980 гг.

Лето началось для Алика не очень хорошо, несмотря на то, что он окончил седьмой класс только на «отлично». А что получил в подарок за свои успехи? Мама всё-таки вышла замуж за своего Павла Кузьмича, да еще и взяла его фамилию. Павел Кузьмич предложил усыновить Алика, но тогда и ему пришлось бы сменить фамилию и отчество, а Алик не хотел и наотрез отказался.

Он очень обиделся на маму, и со дня их скромной свадьбы – уже неделю – с ней не разговаривал.

Сегодня мама разбудила Алика:

– Лёлик, мы с Пашей едем к его маме в Молому на неделю. Поедешь с нами? Если не поедешь, можешь пожить у бабушки.

До четырёх лет Алик жил с мамой в деревне Ледяны на севере Кировской области, а потом они переехали в Киров. Он смутно помнил бревенчатые избы, распахнутые настежь окна с белоснежными крахмальными занавесками и горшками цветущих гераней, черно-белую соседскую корову с большими умными глазами, сонных кошек на заборах, запах домашнего свежесдобитого хлеба и какое-то светлое, безмятежное спокойствие, ощущение которого Алик утратил, когда они с мамой стали жить в городе.

– Я поеду, – сказал он, вставая с постели. – Только если ты перестанешь называть меня Лёликом. Я уже не маленький!

– Хорошо, хорошо, – сразу согласилась мама.

Вообще-то Алика на самом деле звали Алексеем. Когда ему было лет пять, он понял, что имя Лёлик какое-то девчоночье, похожее на Ляльку. Потребовал, чтобы его перестали так называть, а называли Аликом, как папу, которого он знал лишь по рассказам мамы, и которого звали Александр. Мама согласилась, но всё равно по старой памяти иногда называла Лёликом.

Алик поехал с мамой и отчимом лишь потому, что хотел снова побывать в деревне, пусть и не в той, где провел первые четыре года жизни. Ему снова захотелось почувствовать неторопливость и простоту деревенской жизни, ощутить пьянящую свежесть воздуха и увидеть чистый, не застроенный многоэтажками горизонт.

Ехали на машине Павла Кузьмича. Выехав ранним утром, они прибыли в село, когда день клонился к вечеру.

У бревенчатого, обшитого тёсом дома, почти такого, какой и представлял Алик, их встретила симпатичная старушка, напомнившая ему старую няню в Ледянах. Она, как ему показалось, торопливо поздоровалась с Павлом Кузьмичом и мамой и, радостно улыбаясь, шагнула к Алику:

– А вот и мой внучек приехал! Здравствуй, Алёшенька! Ты что-то бледненький, устал, поди, в дороге?

– Здравствуйте, Настасья Егоровна, – смущённо ответил Алик – он не ожидал такого теплого приёма от матери человека, которого терпеть не мог.

А, оказалось, ему она рада больше, чем собственному сыну. Он не любил, когда его называли Алёшенькой, так же, как и Лёликом, но старушка назвала его так ласково, что он и не подумал обидеться.

– Давай ты будешь называть меня бабушкой Настей, или просто бабушкой, договорились? – спросила Настасья Егоровна, обнимая Алика.

От неё пахло свежесдобитым домашним хлебом, безмятежностью и спокойствием. Как в детстве. И он улыбнулся:

– Хорошо, бабушка.

Они вошли в избу. Бабушка и Павел Кузьмич ушли на кухню выгружать городские подарки, а мама тихо сказала:

– Алик, надеюсь, при Настасье Егоровне ты не будешь показывать свой характер.

Она имела в виду, чтобы он не демонстрировал при бабушке неприязненного отношения к Павлу Кузьмичу. Он усмехнулся и ответил:

– Я что, похож на дурака? Но папой называть всё равно не буду.

Мама ничего на это не сказала, решив, что плохой мир лучше хорошей войны.

*

Вечером бабушка вышла встретить корову из стада. Алик пошёл с ней. Они стояли у ворот дома, а стадо неторопливо брело мимо них по сельской улице. Алику нравились коровы. Они были чем-то знакомым и добрым из его раннего детства.

– Вот она, наша кормилица, Веточка, – бабушка открыла ворота ограды перед черно-белой пятнистой коровой. Загнав её в хлев, Настасья Егоровна осталась на улице, поджидая пастуха.

Им оказался парень лет шестнадцати, ехал позади стада на лошади. Около дома Морозовых он спешился и поздоровался.

– Здравствуйте, Настасья Егоровна.

– Здравствуй, здравствуй, Серёжа. А это мой внук, Алёша, познакомься, – с гордостью представила она Алика.

– Привет, – парень немного удивленно взглянул на мальчика – еще вчера у Настасьи Егоровны не было никакого внука – и протянул ему руку. – Я Сергей Коновалов.

Рукопожатие было таким крепким, что Алик едва не вскрикнул, но сдержался и постарался ответить не менее крепким рукопожатием.

– Привет. Я Алексей Вязников.

– Ну, вот и познакомились, – радостно проговорила бабушка. – Ты заходи к нам, Серёжа, думаю, вам с Алёшей будет, о чём поговорить. Село ему покажешь, окрестности, за грибами-ягодами в лес сводишь. А Алёша тебе про городскую жизнь расскажет.

– Ладно, зайду в выходной, – согласился Серёжа, как показалось Алику, не слишком охотно.

Несмотря на это, Серёжа ему сразу понравился. Высокий, крепко сбитый, про таких говорят «кровь с молоком». А Алик – небольшого роста и худощавый. Ему захотелось подружиться с этим деревенским парнем и стать похожим на него.

– Серёжа, а где же твой помощник? – вдруг спохватилась Настасья Егоровна. – Вчера вас вроде двое было.

– Да надоело ему, – махнул рукой Серёжа.

– Вот как? Недельку поработал, и уже надоело? – всплеснула руками бабушка и добавила: – Тяжело тебе, поди, одному-то?

– Ничего, справляюсь. Скучно только. Знал бы, что одному придётся работать, ни за что не дал бы себя уговорить пастушить этим летом.

– Ну что ты, Серёженька, лучшего пастуха у нас не бывало, пока ты три лета назад за это дело не взялся, – улыбнулась бабушка.

– Велика премудрость – коров пасти, – усмехнулся парень, вскочил на лошадь, махнул на прощание Настасье Егоровне, кивнул Алику и поехал догонять стадо.

– Бабушка, а можно мне стать помощником пастуха? – спросил Алик.

– Тебе? – удивилась она. – Да ты и на лошади-то ездить не умеешь.

– Я научусь!

– Городской ты, Алёшенька, тебе тяжела будет деревенская работа, – засомневалась бабушка.

– Я выдержу, – упрямо сказал Алик.

– А, тебе, наверное, хочется остаться на всё лето? Для этого не обязательно работать. Ты можешь жить у меня, сколько хочешь, просто так. Ты же мой внук.

– Спасибо, бабушка. Но я не хочу жить у вас просто так. Я хочу работать.

– Что ж, если хочешь... почему нет? Скоро Серёжа назад поедет, договорись с ним.

– Я только маме скажу! – обрадовался Алик и побежал в избу.

Настасья Егоровна вошла следом.

– Мама, можно, я останусь здесь до конца лета? – сразу спросил Алик.

– Если Настасья Егоровна разрешит, – ответила мама.

– Конечно, пусть остается, – сказала бабушка. – Что ему в городе пылью-то дышать. А здесь воздух чистый, молоко парное, овощи свежие, грибы, ягоды. И мне веселее будет.

– Хорошо, оставайся, – согласилась мама.

Алик снова вышел на улицу и стал ждать пастуха. Когда тот проезжал мимо, Алик окликнул его:

– Серёжа!

– Что? – парень придержал коня.

– Возьми меня к себе помощником.

– Тебя? – удивился Серёжа и усмехнулся: – Ты не сумеешь.

– Ты же сам сказал, коров пасти не велика премудрость. А я быстро учусь.

– А лет-то тебе сколько?

– Четырнадцать.

Серёжа смерил Алика недоверчивым взглядом, смахнул со лба непослушную прядь русых, выгоревших на солнце волос.

– А я думал, двенадцать... Ну ладно. Завтра в шесть утра жди здесь. Лошадь я приведу. Смотри, не проспай! Пока!

Серёжа уехал. А на следующий день в шесть утра, когда выгоняли стадо, он подъехал к дому Настасьи Егоровны, ведя вторую лошадь в поводу.

– Привет. Не передумал еще пастухом стать? – спросил Серёжа у Алика, который с пяти утра стоял «на посту» у калитки, чтобы не прозевать Сергея.

– Нет, не передумал.

– Ну, тогда садись на лошадь, Лёха. Это Дюймовочка, она смиренная.

Алик взял поводья. Вчера видел, как Серёжа садился на лошадь, и постарался скопировать его движения. Может, не так ловко, но у него получилось. С первого раза!

Сергей одобрительно улыбнулся.

– А ты на самом деле быстро учишься.

Алик довольно улыбнулся, повернулся к Серёже и встретился с ним взглядом. Парень тоже улыбался. И оба поняли, что подружатся.

*

Элла всегда знала, что красивая. С тех самых пор, как начала помнить себя, постоянно слышала от всех знакомых и даже незнакомых людей: «Ах, какая красивая девочка!» И принимала восхищение, как должное, потому что, глядя на себя в зеркало, не находила ни одного изъяна: овал лица идеальный, прямой точеный нос, большие зеленые глаза с длинными черными ресницами и золотистые волосы, мягкими волнами обрамляющие лицо. И на фигуру жаловаться нечего: средний рост, нигде ничего лишнего, стройная, и без каких-либо усилий.

В восьмой класс Элла пошла в новую школу, так как её семья переехала в другой район города. Она ничуть не жалела об оставленных в прежней школе подругах и друзьях, потому что очень любила новые знакомства – нравилось наблюдать, какое впечатление она производит на тех, с кем знакомится. Элла хоть каждую четверть готова была переходить в другую школу.

В классе стоял весёлый гул. Ребята встретились после долгих каникул, и каждый хотел поделиться с друзьями летними впечатлениями и приключениями. Но когда в класс вошла Элла, сразу воцарилась тишина.

– Здравствуйте. Я Элеонора Балуева. Буду учиться в вашем классе, – сказала она одноклассникам. – Можете называть меня просто Элла.

У Эллы было много имен. Мама называла Лялей, бабушка – Норой, в детском саду звали Элей, в старой школе – Леной. Но это имя такое банальное! В старой школе в классе было пять Лен, и здесь наверняка не меньше. А вот Эллы точно ни одной нет.

И парни, и девчонки уставились на неё так, словно в класс вошла не новая ученица, а известная артистка. Несколько мгновений все восхищённо разглядывали новенькую. А она выделила из толпы одноклассников невысокого симпатичного темноволосого мальчика с синими глазами. Да что приbedняться – очень красивого.

– Садись сюда, Элла, у меня свободно, – опомнилась, наконец, девочка с третьей парты среднего ряда. – Я Наташа.

Красивый мальчик сидел тоже за третьей партой в соседнем ряду, и Элла села рядом с Наташей.

От соседки по парте она узнала, что понравившийся ей мальчик не дружит ни с одной девочкой.

– Почему? – удивилась Элла. – Он такой симпатичный.

– Да он раньше был совсем не такой, – пояснила Наташа. – Алик всегда был маленьким и хилым. В седьмом классе его все за пятиклассника принимали. Лицом он и раньше был ничего, но с ним никто не дружил, он же ростом был ниже самой маленькой девчонки в классе. А за это лето он так изменился! И ростом выше стал, и выглядит взрослее. Теперь я не отказалась бы сходить с ним с кино или на танцы.

«Не получится, Наташенька. Он будет водить в кино и на танцы только меня», – подумала Элла.

Она не сомневалась, что сегодня же получит от Алика записку с предложением дружбы, и была удивлена и разочарована, получив записки сразу от нескольких мальчиков, но не от него. Она не обиделась бы, если бы не понравилась Алику. Но Элла точно знала, что понравилась, заметила, как он на неё смотрел. А самой писать записку парню считала ниже своего достоинства.

*

За лето, проведенное в Моломе, Алик заметно подрос и окреп, стал шире в плечах, загорел. Одноклассники с трудом его узнали. Но он всё еще считал себя невзрачным, поэтому и не мечтал, что такая красивая девочка обратит на него внимание. Ему было достаточно каждый день видеть Эллу в классе.

Даже ночью мысли об этой девочке не покидали Алика. Еще до знакомства с ней ему иногда снилась незнакомка в розовом платье, она стояла в другом конце зала, наполненного танцующими парами. Он почему-то не мог разглядеть её лица, хотя платье видел отчетливо. Алик шёл к ней, пробираясь между парами, чтобы пригласить на танец, но почему-то всегда просыпался, не успев дойти. Каждый раз, проснувшись, терялся в догадках, кто же ему всё-таки снится? Теперь понял, что это Элла, даже не видя её лица.

В конце сентября ребята восьмого «В», в котором учились Алик и Элла, устроили вечер именинников. Они обычно проводили такие праздники три раза в год. В сентябре отмечались дни рождения тех, кто родился летом и осенью. Элла родилась в июне, и попала в число именинников.

Для виновников торжества одноклассники испекли именинный пирог и подготовили концерт.

Алик участвовал почти в каждом номере, исполнил и несколько сольных номеров. Практически весь концерт на нём держался. Элла пришла в восторг от выступлений Алика. И решила, что должна заполучить его. Когда начались танцы, Алик ни с кем не танцевал, и ей пришлось самой пригласить его на белый танец.

– Где ты научился так здорово играть на гитаре, петь и танцевать? – спросила Элла во время танца. Танцевать с Аликом было приятно, он вел партнершу умело, легко и непринуждённо.

– Я семь лет учился в музыкальной школе, – ответил он. – В прошлом году окончил.

– Ты выступал отлично, – похвалила Элла. – Я очень рада, что пришла на вечер. А не хотела идти, подружки уговорили.

Алик понял, если бы Элла не пришла, вечер для него был бы непоправимо испорчен.

– Почему не хотела? – спросил он.

Элла pokrивила душой, сказав, что не хотела идти на вечер. Но для этой маленькой лжи у неё была причина.

– Да я живу далеко. И боюсь поздно возвращаться домой одна.

Она сказала это лишь затем, чтобы Алик предложил проводить её. И он заглотив наживку. Спросил:

– Можно, я тебя провожу?

– Можно, – согласилась она.

С вечера они ушли вместе. Алику хотелось, чтобы Элла жила на другом конце города, чтобы провожать её как можно дольше. Но дом Эллы оказался совсем не так далеко. И они, не сговариваясь, пошли гулять по городу.

Они шли рядом, болтали ни о чём, смеялись, и как бы между прочим рассказывали друг другу о себе.

Так, Алик узнал, что Элла живёт в новой квартире с мамой и отчимом, мама работает заведующей магазином, а отчим – экскаваторщик на стройке, и что домашнее имя Эллы – Ляля.

А Элла с удивлением узнала, что учительница русского и литературы Екатерина Сергеевна – мама Алика.

– А почему у вас фамилии разные? Ты приёмный сын?

– Нет, просто летом мама вышла замуж, – неохотно ответил Алик – он не любил говорить об этом.

– Отчим плохо к тебе относится? – сочувствующе спросила Элла.

– Нет, не плохо. Но я его не люблю. Не понимаю, зачем мама вышла за него замуж. Нам и без него было хорошо.

– А мне мой отчим нравится. Он всегда заступает за меня перед мамой, когда она меня ругает, даже когда я не права, и денег даёт, сколько попрошу. А папа ушёл от нас, когда мне шесть лет было. А твой когда ушёл?

– Его не стало, когда я еще не родился. Он в милиции работал, и погиб на задержании преступника. Мы с мамой вдвоём жили, пока год назад не появился этот... Павел Кузьмич.

Элла поняла, что разговор про отчима Алику неприятен, и перевела беседу на другую тему. Вскоре они снова смеялись и болтали ни о чём. Сделав внушительный круг, они, наконец, снова подошли к дому Эллы.

Прощаясь с девочкой, Алик набрался храбрости и сказал:

– Элла, ты мне очень нравишься. Давай будем дружить?

– Давай, – кивнула она.

– А можно, я тоже буду называть тебя Лялей? – смущённо попросил Алик.

– Можно, – немного подумав, кивнула Элла. – Но только когда мы одни, и только если ты тоже позволишь называть тебя домашним именем. Как тебя называют дома?

– Алик, – ответил Алик и добавил, понимая, что рано или поздно Элла узнает его детское имя: – А когда я был маленький, мама называла меня Лёликом.

– Лёлик, – проговорила Элла, и это имя в её устах прозвучало так нежно, что Алику даже было приятно. – Ляля и Лёлик. Лёлик и Ляля, – с восторгом повторила она. – Это здорово! Мне нравится!

– Мне тоже, – согласился Алик.

*

Вскоре вся школа узнала, что Элла и Алик дружат. Они сели за одну парту, и почти всегда и везде ходили вместе.

Обычно Элла встречалась с очередным парнем два, максимум три месяца, потом он ей надоел, и она его бросала. Но с Аликом получилось иначе. Прошло три, четыре месяца, полгода, а она все еще дружила с ним, и он ей ни капельки не надоел. С ним всегда было интересно. Даже уроки учить.

Элле нравились синие глаза Алика, темные кудри, красивое чистое лицо. Он умеет играть на гитаре, отлично поёт и танцует. Хорошо учится, много знает сверх школьной программы, и так увлекательно рассказывает, что Элла готова слушать часами. Алик всегда вежливый, тактичный и деликатный. А еще очень приятно, что для него не существуют девчонки. Ни одной, кроме неё.

Единственное, что не совсем нравилось Элле в Алике – его небольшой рост. Утешало только, что он всё-таки немного выше неё, если не надевать очень высокие каблуки, и что со временем он еще подрастет. А вот что совсем пришлось не по душе – что Алик часто болел. У него была врожденная сердечная недостаточность. Всё бы ничего, но из-за его внезапных болезней нередко срывались намеченные Эллой планы.

Сначала она героически сидела дома, если он не мог пойти с ней на танцы, в кино или на школьный вечер. Но сидеть и скучать дома, когда все остальные веселятся, было выше её сил, и девушка стала принимать приглашения других парней. Алик об этом не знал, а если и знал, то не подавал вида.

Поэтому Элла и не помышляла расставаться с Аликом: все его недостатки с лихвой покрывались достоинствами.

Алик любил в Элле всё: зелёные глаза, светло-русые золотистые волосы, стройную фигуру, весёлый нрав, доброжелательность, ветреность, беспечность, и вместе с тем рассудительность. Она училась на тройки, но была далеко не глупа, и могла бы учиться лучше, если бы более серьёзно относилась к учёбе. Девушка была очень подвижна, гибка и грациозна от природы. Алик быстро научил её танцевать. Ему было приятно, что когда они танцуют, все любят их.

Алику нравилось и одновременно не нравилось, что Элла очень любит танцевать, потому что не всегда мог ходить с ней на танцы в Дом Культуры. Он, конечно, знал, что Элла бегаёт на танцы с другими парнями, когда он болеет. Друзья немедленно сообщали ему о каждом шаге Эллы и каждом сказанном ею слове в его отсутствие. Но Алик понимал, что она не может не веселиться, пока он болеет, и не обижался. Конечно, он был бы рад, если бы Элла не ходила на танцы без него. Но не мог же приказывать ей сидеть дома! И, если разобраться, она не делает ничего, за что на неё нужно обижаться. Она просто танцует с другими, но дружит всё равно только с Аликом.

А потому он мог лишь ждать выздоровления и проклинать свою сердечную недостаточность, про которую говорили, что это возрастное, и со временем пройдёт. А потом бац! – и обнаружили порок сердца. Раньше этот диагноз мало волновал Алика. Пропуская в школе неделю или две, он никогда не отставал в учёбе, а порой и обгонял одноклассников.

Но раньше он не дружил с Эллой. А сейчас не встречаться с ней целую неделю было пыткой. Он сам не хотел, чтобы она видела его больным. А она никогда и не приходила, каким-то образом чувствуя, что он сам этого не хочет.

Несмотря на вынужденные разлуки со своей девушкой, Алик был счастлив. Но не совсем. Его абсолютному счастью мешал Павел Кузьмич. Алик полюбил бабушку, мать Павла Кузьмича, а его самого принять не мог. Сам Павел Кузьмич, как человек, не был ему ненавистен или противен, но Алик не хотел простить матери, что она, как он считал, предала его отца. Он не имел ничего против, когда мама и Павел Кузьмич просто дружили, и он иногда водил маму в кино и изредка приходил, чтобы что-нибудь починить в квартире. Но замуж-то за него зачем было выходить?!..

*

В начале мая Алику исполнилось пятнадцать. Мама подарила новые джинсы, а Павел Кузьмич – японский кассетный магнитофон «Сони». Джинсы Алик взял, а к магнитофону не притронулся.

– Спасибо, не нужно, у меня уже есть, – сказал он отчиму холодно-вежливым тоном.

У Алика действительно был магнитофон – старая катушечная развалина, которую он год назад подобрал чуть ли не на помойке и сам отремонтировал.

Ему показалось, что Павел Кузьмич сейчас швырнет свой подарок на пол. Но он поставил магнитофон на стол, развернулся и вышел из комнаты. В прихожей хлопнула дверь.

– Лёлик, ну как ты мог! – опомнившись от шока, возмутилась мама. Она знала, что сын мечтал о японском магнитофоне, и посоветовала мужу сделать Алику этот подарок, надеясь, что после такой щедрости сердце её сына оттаёт, и его отношения с отчимом наладятся.

Но стало только хуже. Мальчик решил, что его хотят купить.

– Не нужны мне его подарки! – крикнул Алик. – И он тоже не нужен!

– Алик, Алик, ну почему ты его так ненавидишь? – спросила мама и заплакала.

– Потому что люблю отца! – резко ответил он. – И очень хорошо, что твой Паша ушёл. Нам без него лучше!

– Алик, почему ты думаешь, что имеешь право решать за нас обоих? – спросила мама.

– Ты думаешь, легко прожить всю жизнь одной?

– Мама, ты не одна, у тебя есть я! Ты же любила моего отца!.. Или не любила? – Алик подозрительно прищурил глаза.

– Неужели ты всё ещё так наивен? Думаешь, влюбиться можно один раз в жизни? – сказала мама.

– А сколько? Сто? Двести? – он уже чуть не плакал.

– Алик, пойми, у всех по-разному. Конечно, не сто раз, но влюбиться можно и два раза, и три. Ты сам в этом убедишься, когда станешь старше. Сейчас у тебя одна девочка, а через год, возможно, будет другая, а женишься ты на третьей.

– Никогда! Я никогда не разлюблю Лялю! – возмущённо воскликнул Алик.

– А если она разлюбит тебя? – спросила мама.

Алик никогда не думал об этом, мысли такой не допускал. И ответил:

– Тогда я никогда не женюсь! Если ты любила моего отца, ты не вышла бы замуж за другого!

Он отвернулся к окну, пытаясь сдержать слёзы. Мама подошла и положила руку ему на плечо.

– Алёша... попытайся понять... твоего отца... нет уже много лет. Ты не должен обижаться на меня за то, что через пятнадцать лет после того, как его не стало, я полюбила другого! Павел хороший человек, ты не должен так к нему относиться.

– Ты же сама сказала, что я не имею права решать за нас обоих! А почему ты решаешь за меня, как мне к нему относиться?

– Я – твоя мать, я хотела, как лучше для тебя! Ты вырастешь, и я уже не могу быть тебе за маму и за папу. Есть такие вопросы, на которые я просто не смогу тебе ответить, потому что женщина! Должен же кто-то, наконец, научить тебя хотя бы забивать гвозди! Тебе нужен тот, кто мог бы заменить отца. Есть такие вещи, которым может научить только мужчина. Паша вполне для этого подходит, и он хочет быть тебе отцом...

– А я не хочу! – Алик резко повернулся, сбрасывая мамину руку со своего плеча.

От резкого движения в груди возникла боль. Алик вскрикнул и схватился за сердце. Мама подхватила его, готового упасть, помогла дойти до кровати и лечь, налила воды, накапала лекарство и поднесла стакан к губам Алика.

Он, хоть и морщился от боли, оттолкнул руку матери:

– Не надо мне ничего! Вот умру, тогда никто не будет мешать тебе жить... с ним!

Алик вдруг почувствовал на щеке ожог от пощечины.

– Не смей так говорить! – мама заплакала. – Ты же знаешь, что ты – смысл моей жизни! Но пойми, я имею право любить кого-то еще, кроме тебя!

– Моего отца! Почему ты его предала?

– Я его не предавала! Это он... – воскликнула мама и вдруг замолчала.

– Что он? Договаривай! – потребовал Алик.

– Хорошо, – решила мама. – Я расскажу, как всё было на самом деле.

– На самом деле? – возмущенно переспросил Алик. – Значит, раньше ты говорила неправду?

– Да! Кроме того, что я его на самом деле любила. Я думала, что и он меня любит. К сожалению, ошибалась. Он только развлекался... Мы учились вместе в пединституте, мечтали пожениться... Но он бросил меня, когда узнал, что я беременна. А когда родился ты, он уже был женат на другой. Вот такая правда, Алик.

Этот рассказ был полной противоположностью тому, что мама рассказывала раньше. Она говорила, что отец был смелый, добрый и честный человек, и только гибель на задании помешала ему жениться на ней. А оказалось, он малодушный, жестокий и подлый. Алик не хотел в это верить.

– Это ложь! – прошептал он и заплакал. – Ты говоришь это затем, чтобы выгородить своего Пашу!

– Это правда, Алик, – тихо сказала мама.

– Тогда зачем ты лгала столько лет?

– Я хотела, чтобы ты гордился своим отцом, – виновато проговорила мама. – Я считала, что так будет лучше... может, была неправда... прости меня, Алик, пожалуйста...

– Не называй меня больше Аликом! – всхлипнул он.

Он плакал, не сдерживая слез. Оказывается, он любил не отца, а сказочку, которую мама выдумала для него. Он чувствовал боль и обиду за то, что отец оказался не героем, а подлецом.

– Значит, мой отец не был милиционером? – вдруг спросил Алик.

– Нет, – ответила мама.

– И значит, он не погиб на задержании преступника?

– Н-нет, – немного поколебавшись, ответила мама. – Мы расстались, я уехала, и больше ни разу не встречалась с ним. Не знаю, где он сейчас.

– Тогда... почему ты не вышла замуж раньше, когда я был маленький? – всхлипнул Алик.

– Я бы не знал, что мой отец вовсе не мой отец, и тебе не пришлось бы врать...

– Я... хотела посвятить всю свою жизнь тебе, сынок... По наивности своей думала, что смогу заменить обоих родителей... Но когда ты подрос, поняла, что тебе нужен отец... Я долго искала для тебя подходящего отца, но мне никто не нравился... Нет, нравились многие, но они не годились в отцы. А когда встретила Пашу, поняла, он тот, кого я так долго искала. Знакомившись с ним поближе, я поняла, что... люблю его... Ты же любишь Настасью Егоровну,

Пашину маму, бабушкой её называешь. Ты жил у неё все лето в прошлом году. Так почему ты так не...

– Не надо впутывать сюда Настасью Егоровну! – сердито прервал маму Алик. – Я у неё не просто так жил, я почти всё, что за лето заработал, ей отдал! И если я люблю Настасью Егоровну, не значит, что должен любить и Павла Кузьмича!

– Пойми, Алёша, Паша стал бы тебе хорошим отцом, если бы ты не воспринимал его в штыхы...

– Не надо мне никакого отца, – буркнул Алик, отвернувшись к стене.

Он не пошёл в школу, а весь день лежал, переживая из-за того, что его отец оказался не таким, каким Алик его себе представлял, и из-за того, что мама всю жизнь его обманывала. Впервые ему не хотелось праздновать день рождения. Но он пригласил на вечер одноклассников, и когда они пришли, пришлось встать и сделать вид, что очень рад гостям, и что ему очень весело.

Алик с трудом дождался конца праздника. Когда ребята ушли, он пошёл провожать домой Элли. Он так хорошо скрывал свои чувства, что никто, даже она, не заметили его состояния.

– Завтра суббота, пойдём на танцы в Дом Культуры, – предложила Элла перед тем, как попрощаться.

– Конечно, пойдём, – согласился Алик.

Никакого настроения идти завтра на танцы не было. Но он не мог отказать Элле.

Вернувшись домой, Алик заметил, что мама плачет. И догадывался, почему: Павел Кузьмич как ушёл утром, так больше не возвращался, хотя рабочий день давно закончился.

Алик молча ушёл в свою комнату и лег, но уснуть не мог. Он понимал, что сегодня в отношениях с отчимом вышел за всякие рамки, и сильно обидел маму. Надо бы пойти к ней и попросить прощения. Но он сам очень обиделся на маму, и это удерживало.

Промучившись целый час, оставив попытки уснуть, Алик собрался пойти извиниться, и уже шагнул к двери. Вдруг он услышал, как в прихожей щелкнул замок, и скрипнула дверь. Алик понял, что пришёл Павел Кузьмич.

– Ты вернулся? – мама радостно выбежала ему навстречу.

– Пришёл забрать вещи, – ответил он. – Я долго думал, и решил, что мне нужно уйти. Это ради твоего сына. Алексей хороший парень, но я понял, что он никогда не примет меня. Он слишком сильно любит своего отца.

– Не уходи, Паша, – мама снова заплакала. – Я же люблю тебя... Я не могу тебя потерять!

– Ты меня не потеряешь, Катенька, – ласково ответил Павел Кузьмич. – Но если я останусь, ты можешь потерять сына. Не плачь, Котёнок, ты же сильная. Вон какого парня одна вырастила. А насчет нетерпимости ко мне... я его понимаю. Окажись я на его месте, я бы, наверное, вёл себя точно так же.

– Это я виновата, – всхлипнула мама. – Зачем я говорила ему неправду об отце?..

– Ты не виновата, Катя, – ласково возразил Павел Кузьмич. – Ты поступала правильно. Ребёнок должен знать об отце только хорошее. А если бы он знал правду, неизвестно, какие комплексы у него возникли бы.

– Я сказала правду сегодня. Это стало для него таким ударом... он плакал почти весь день... может, не надо было ничего говорить?.. Но я просто не выдержала, так не могло продолжаться!

– Когда я уйду, Алёша успокоится, и ты тоже, – мягко сказал Павел Кузьмич. – И всё у вас будет, как прежде.

Мама и отчим ушли из прихожей в комнату, и Алик перестал их слышать. Но ему хотелось узнать, уговорит ли мама Павла Кузьмича остаться, поэтому он подошел к двери их комнаты и чуть-чуть приоткрыл её.

Мама и Павел Кузьмич уже ничего не говорили. Они стояли посреди комнаты, обнявшись, и целовались.

«Я им не нужен, – грустно подумал Алик. – Я им только мешаю. Глупо было надеяться, что он на самом деле уйдёт. Пусть мама остается с ним, а уйду я».

И, подавшись сиюминутному порыву, Алик вышел из дома, решив, что пойдёт жить к бабушке.

На улице было холодно, он вышел в одной рубашке, но возвращаться не стал. Час был поздний, транспорт не ходил, и Алик пошёл к бабушке пешком через весь город.

Ему было так жалко себя, что он едва не плакал, но вдруг поймал себя на мысли, что думает лишь о себе.

«Какой я эгоист! Неужели я такой же черствый и бездушный, как мой отец? Не хочу быть на него похожим! Я должен вернуться и попросить прощения у мамы. У них обоих».

Не дойдя до бабушкиного дома, он повернул обратно. Майская ночь становилась все холоднее, пошёл дождь, и Алик промок до нитки. Голова закружилась, руки и ноги онемели от холода, мысли спутались, и на одном из перекрестков он свернул не в ту сторону, но продолжал идти, уже совсем не соображая, куда идёт и зачем.

*

А Павел Кузьмич собрал чемодан и сказал:

– Зайду к Алёше, попрощаюсь, если он еще не спит.

Он заглянул в комнату Алика и вдруг взволнованно воскликнул:

– Катя! Его нет!

– Как нет? – Екатерина Сергеевна вбежала в комнату Алика, заглянула под кровать и в шкаф. Сына нигде не было.

Его куртка висела в прихожей. Но ни на кухне, ни в ванной, ни в туалете, ни на балконе Алика они не нашли.

– Он ушёл! – Екатерина Сергеевна заплакала. – Но почему?

– Катя, сейчас неважно, почему, важно – куда, – сказал Павел Кузьмич, торопливо надевая куртку. – Иди, позвони его друзьям, девочке, бабушке. А я поеду, поищу его в городе. Может, он еще недалеко ушёл.

Он долго колесил по пустынным улицам города, и только под утро нашел Алика. Мальчик лежал без сознания под навесом автобусной остановки довольно далеко от дома. Павел Кузьмич поднял его, усадил в машину и повез в больницу.

Очнувшись, Алик почувствовал, что лежит на чем-то мягком, и теперь ему не холодно, а жарко.

– Как он, доктор? – услышал Алик взволнованный голос Павла Кузьмича.

– Есть подозрение на воспаление легких, – ответил ему незнакомый женский голос, наверное, врача. – Состояние средней тяжести. Будем оформлять в стационар.

Алик понял, что он в больнице, в приёмном покое. Он попробовал открыть глаза, комната вдруг начала качаться и кружиться, и Алик зажмурился. Голова была тяжелой, но он всё-таки вспомнил, что хотел вернуться домой. Не помнил, зачем, помнил только, что ему обязательно нужно вернуться. Он стал просить, чтобы его отпустили домой. Врач не соглашался, но Павел Кузьмич твердо заявил, что заберёт его домой под свою ответственность. Чем закончился спор Павла Кузьмича с врачом, Алик не знал, потому что снова потерял сознание.

А очнулся дома.

*

Элла очень расстроилась, узнав, что Алик заболел. Танцы опять сорвались! Если бы они были не сегодня, её успел бы пригласить кто-нибудь другой. Но ребята из параллельных классов еще не знали, что Элла свободна, а одноклассники слишком уважали Алика, чтобы приглашать его девушку.

Она сидела, грустно уставившись в парту, и думала, как же сегодня попасть на танцы. Ни за что не опустилась бы до того, чтобы идти в Дом Культуры одной или с подружкой. Да и близких подруг у Эллы практически не было.

«Что же делать?» – безнадежно вздыхала она. Помочь ей попасть сегодня на танцы могло лишь чудо.

И чудо свершилось. После первого урока в класс вошёл незнакомый парень. Он был полной противоположностью Алика: высокий, светловолосый, голубоглазый. Если Алик изяществом и манерами напоминал сказочного принца, то этот парень был похож на русского былинного богатыря.

– Это восьмой «В»? – осведомился богатырь.

Держался он очень уверенно, почти на грани наглости, но это понравилось Элле. Она улыбнулась.

– Да, – ответили на вопрос сразу несколько голосов.

– Значит, я буду учиться с вами, – сказал новенький. – Меня зовут Станислав Шихов. Можно просто Стас. Прощу любить и жаловать. Куда сесть?

И, не дожидаясь ответа, подошел к Элле.

– Я вообще-то сижу не одна, – она кокетливо заложила за ухо прядь золотистых длинных волос.

– Не сомневаюсь, – ответил Стас.

– Но пока мой сосед болеет, можешь сесть со мной, – добавила Элла, не обращая внимания на осуждающие взгляды одноклассников.

Стас сел рядом.

– Как тебя зовут?

– Элеонора, можно просто Элла.

– Элла? Это имя мне не нравится. Ты такая красивая, что тебе подходит только одно имя – Лялька. Так и буду тебя называть.

– Меня так зовут... некоторые близкие люди, – сказала Элла, восхищенная тем, что Стас сразу угадал её тайное имя. – Я разрешаю тебе называть меня Лялей.

Так Элла познакомилась со Стасом. Он тут же пригласил её на танцы, и она приняла приглашение. Конечно, Стас нравился Элле гораздо меньше Алика. Но он сразу очаровал неуёмной энергией, разговорчивостью, остроумием. Если Алик был склонен к созерцательности, а порой и к меланхолии, то Стасу были незнакомы такие понятия. Он ни одной минуты не мог сидеть спокойно: то тащил Эллу танцевать, то в буфет, то на балкон, чтобы танцевать там вдвоём. Элла в этот вечер очень устала, зато получила массу новых впечатлений.

Весь субботний вечер Стас угощал её мороженым, пирожными, лимонадом, предлагал даже шампанского, но она отказалась. А когда она сказала, что устала и хочет домой, он вызвал такси, совсем как взрослый. Да он на самом деле взрослый, ему уже исполнилось шестнадцать лет, а Элле еще только будет пятнадцать. По возрасту Стас должен был учиться в девятом классе, но он объяснил, что пошёл в школу на год позднее, так как в то время жил с родителями за границей, а там не было русской школы.

Элле очень хотелось пообщаться с человеком, который жил в другой стране и говорил о ней, как о чём-то совершенно обыкновенном. А Элла больше всего на свете мечтала побывать за границей.

Само собой разумеется, в воскресенье они снова пошли на танцы. Потом, провожая Эллу от такси до подъезда, Стас спросил:

– Мы завтра снова идём танцевать, да?

Его вопрос звучал, как утверждение, но она возразила:

– Завтра в Доме Культуры нет танцев.

– Не беда, пойдём в другое место, – ответил он.

Элле стало очень любопытно, где можно потанцевать в понедельник, и Стас повел её в ресторан. Девушка впервые была в таком заведении. Она боялась, что их не пустят, она же несовершеннолетняя, но с таким взрослым спутником её пропустили без вопросов.

Во вторник Стас повел Эллу в другой ресторан, в среду в кафе, в четверг снова в ресторан. С ним везде пускали, потому что выглядел он не на шестнадцать, а на все двадцать лет, и у него всегда имелась куча денег. Он покупал шоколад, мороженое, разные ни к чему не обязывающие красивые безделушки, даже не глядя на их цену.

В пятницу Стас преподнес Элле колечко из нефрита.

– Нравится? Дарю, – сказал он.

Она примерила кольцо, и с сожалением вернула.

– Очень нравится, но я не могу его принять. Это очень дорогая вещь.

– Не такая уж дорогая. Прошу тебя, возьми. Я дарю его тебе в знак моей любви и хочу, чтобы ты стала моей девушкой. Ты согласна?

Элла сразу вспомнила об Алике. Нет, она не готова бросить его ради Стаса. Но Стас может водить её в рестораны и катать на такси, а Алик не может. Нельзя сказать, что он скуп, но часто ограничен в средствах. А Стас тратит деньги, направо и налево, не считая. Зато с Аликом интересно и без денег. А нефритовое колечко всё-таки хочется иметь...

– Можно, я подумаю? – спросила Элла.

– Ладно, подумай, – согласился Стас. Такой ответ его удивил. Он не сомневался, что девушка скажет «Да». Но он не знал, что у неё есть Алик, и она затрудняется выбрать между ними двоими. – Когда ты дашь мне ответ?

– В понедельник, – ответила Элла.

До понедельника оставалось два дня. В субботу и воскресенье Стас просто превзошел себя – водил Эллу танцевать в самые лучшие места, завалил цветами и сладостями. Она уже ставила цветы в трёхлитровые банки, так как в доме закончились вазы, а коробки конфет и шоколадки валялись на всех подоконниках, столах и полках.

Элла, чтобы окончательно решить, с кем остаться, в понедельник перед уроками отправилась навестить Алика. Никогда раньше этого не делала. И шла к нему с почти полной уверенностью, что сегодня их дружба кончится. Всё-таки Стас чуть-чуть перевешивал чашу весов со своими такси, ресторанами и кольцами. Но и Алика не хотелось обижать. Как бы поделикатнее сообщить ему, что они расстанутся?..

*

Алик всю неделю чувствовал себя очень плохо. Так тяжело он болел впервые. Семь дней лежал, практически не вставая, и только на восьмой смог подняться, несмотря на то, что был еще слаб, но хотя бы голова уже не кружилась. Больше страданий физических его мучили угрызения совести.

Павел Кузьмич сутками не отходил от постели Алика, и ухаживал за ним с не показным вниманием и заботой. Чувствуя это, Алик понял, что Павел Кузьмич – именно такой, каким придумала мама его отца. Он теперь очень жалел, что любовь к воображаемому отцу не дала ему раньше разглядеть маминого мужа. И всё же никак не мог решиться попросить прощения. Но Павел Кузьмич не ушёл, как собирался до болезни Алика, и он решил, что еще успеет извиниться, когда окончательно выздоровеет. Зачем ему нужна эта отсрочка, он и сам не знал, или просто не хотел себе признаться, что боится, а вдруг отчим не захочет его простить.

Когда Алик встал с постели, Павел Кузьмич, сидевший рядом, спросил:

– Тебе лучше?

– Да, – ответил Алик, и отчим вышел из комнаты.

Потом мама принесла завтрак.

– Лёлик, ты уже встал? – удивилась она.

– Да, мама, я хорошо себя чувствую, – ответил он. – Хочу позаниматься. Я сильно отстал от класса.

– Хорошо, занимайся, только недолго, – разрешила мама. – Но сначала поешь и выпей лекарство.

Алик сел за стол. Мама вышла из комнаты, ей надо было собираться на работу. А Павел Кузьмич никуда не собирался, он взял на работе отпуск, чтобы ухаживать за Аликом.

Поев, Алик собрал посуду и понес в мойку. Мама и отчим завтракали на кухне. Услышав их голоса, он остановился за дверью, потому что разговор шел о нём.

– Паша, Лёлику сегодня намного лучше, – радостно сообщила мама. – Ты прекрасно ухаживал за ним.

– Да, теперь он быстро поправится, – ответил Павел Кузьмич. – Ему больше не нужна сиделка. Теперь я могу уйти со спокойной совестью.

– Паша... я думала, ты решил остаться, – голос мамы заметно поблек.

– Нет, я же говорил, что останусь только до тех пор, пока Алёша не поправится. Я, наверное, и так сильно надоел ему за эту неделю.

– Паша, но куда ты пойдёшь?

– Не знаю... поживу пока у друга, потом сниму квартиру... Не беспокойся обо мне, Катенька, я не пропаду.

– Паша, не уходи... не бросай меня...

– Котёнок, милая, я тебя не бросаю. Я буду вам помогать. Иди спокойно на работу и не волнуйся ни за меня, ни за Алёшку. Теперь всё будет хорошо. Сейчас я тоже пойду на работу, а вечером зайду за вещами.

«Всё-таки не передумал уходить! – подумал Алик. – Я должен сейчас же попросить у него прощения».

Он толкнул дверь и вошёл на кухню с твердым намерением извиниться, но опять не решился. Просто поставил посуду в мойку и ушёл в комнату.

Мама и Павел Кузьмич ушли, а Алик заплакал от злости за свою нерешительность.

*

Элла долго расхаживала по двору у дома Алика, не решаясь войти. Но это неприятное дело надо побыстрее закончить, и она, увидев, что его родители вышли из подъезда, сели в машину и уехали, наконец, вошла.

Дверь квартиры была не заперта, и Элла тихо вошла в прихожую. На цыпочках подошла к двери комнаты Алика и заглянула в щелку. То, что она увидела, поразило не меньше, чем предложение Стаса, а, пожалуй, больше.

Юноша сидел в кресле, откинувшись на спинку, и... плакал. Из-под опущенных ресниц бежали слёзы, он изредка смахивал их со щек, но чаще они катились и падали на грудь, и на рубашке уже образовались мокрые пятна.

Элла сразу поняла: он плачет из-за неё. Друзья, конечно, доложили, что она проводит все вечера со Стасом, и он очень расстроился. Его слёзы так тронули Эллу, что она сама чуть не расплакалась. Стало стыдно, что всё это время была не с ним.

Первым желанием Эллы было кинуться к Алику, обнять, попросить прощения, пообещать никогда больше не ходить на танцы ни с кем, кроме него. Но она сдержала порыв, и также на цыпочках вернулась в прихожую, справедливо решив, что ему будет очень неудобно, если он узнает, что она видела его слёзы. Поэтому Элла громко хлопнула дверью, будто только что вошла:

– Лёлик, ты дома?

– Да, минуточку, Ляля, я сейчас! – услышала она голос Алика, и через минуту он вышел в прихожую уже в другой, сухой рубашке, весь красный от смущения и с припухшими от слёз

глазами, но это можно было списать на его болезненное состояние. – Извини, я выгляжу не очень... Я так рад тебя видеть!

Они прошли в комнату. Алик сел в кресло и предложил Элле сесть в другое, но она осталась стоять. Она с удивлением заметила, что ни болезнь, ни следы слёз на лице Алика не портили его внешность, а лишь прибавляли ему привлекательности.

– Лёлик, извини, что никогда не навещала тебя, – сказала Элла. – Теперь всё изменится. Я буду приходить к тебе так часто, как только смогу, чтобы ты не скучал.

– Ляля, я... – начал Алик, но она не дала ему договорить.

– Не надо, Лёлик, я всё понимаю! Тебе, наверное, мальчишки с три короба наговорили про меня и Стаса.

– Да, но я...

– Так вот, – Элла снова не дала ему договорить. – Ты, пожалуйста, не верь тому, что тебе обо мне болтают, и не расстраивайся. Я с этим парнем просто ходила на танцы, и всё.

– Я знаю, – успел вставить Алик, и улыбнулся.

– Но больше не буду ходить ни с кем, кроме тебя, – пообещала Элла. – Я поняла, что хочу быть с тобой рядом, даже когда ты болеешь.

Она протянула руку, погладить Алика по волосам, и её пальцы коснулись его лба.

– Да ты весь горишь! – воскликнула Элла, отдергивая руку. – Тебе надо лечь. Где у вас градусник?

Она заботливо уложила Алика на кровать, достала из аптечки термометр и смерила ему температуру. Увидев, что температура высокая, нашла жаропонижающие таблетки, принесла воды. Элле так понравилось ухаживать за больным Аликом, что она не пошла в школу и даже в кино со Стасом. Сегодня после уроков они договорились пойти на новый фильм, билеты на который Стас достал по блату. А после кино она должна была сказать, станет его девушкой или нет. Вместо этого Элла весь день провела с Аликом и нисколько об этом не жалела.

Алику была приятна забота Эллы, и он уже не мог понять, почему раньше не хотел, чтобы она его навещала. Он удивился её внезапной перемене в отношении к его болезням, но был только рад, и не стал выяснять причины. Ему было так хорошо, когда Элла рядом, что он на время забыл о своих проблемах с отчимом.

Но когда девушка ушла, вспомнил. Алик понимал, что никогда не простит себе, если Павел Кузьмич уйдёт.

*

Вернувшись с работы, Павел Кузьмич заглянул к Алику:

– Как ты себя чувствуешь, Алёша?

– Хорошо, – ответил он, и опять не решился попросить прощения. Он не знал, как назвать отчима. Раньше он никак его не называл и никогда к нему не обращался.

– Вот и ладненько, – пробормотал Павел Кузьмич и закрыл дверь.

Около часа все было спокойно. Алик слышал, как мама и отчим ужинали на кухне, а потом ушли в свою комнату. Он с облегчением решил, что Павел Кузьмич передумал уходить, и он успеет извиниться завтра, но минут через десять в прихожей снова послышались голоса. Мама просила:

– Паша, ну не уходи, пожалуйста...

– Я должен, Котёнок... А ты будешь прибегать ко мне, тайком от Алёшки. Знаешь, как в юности, когда ты бегала на свидания втайне от родителей. В этом есть свои прелести.

– Почему я должна скрывать от сына, что люблю тебя? – проговорила мама с болью в голосе и добавила: – Может, еще раз поговорить с Аликом? По-моему, в последнее время он стал относиться к тебе лучше...

– Катя, он просто был болен. Может быть, когда станет старше, он поймёт, тогда я смогу вернуться. А пока я должен уйти.

Алик понял, что Павел Кузьмич сейчас уйдёт, вскочил с кровати и выбежал в прихожую. Он был такой бледный, что мама и отчим с испугом уставились на него.

– Лёлик, что с тобой? Тебе плохо? – с тревогой спросила мама.

Алик не ответил. Он поднял глаза на Павла Кузьмича, стоявшего у двери с чемоданом.

– Не уходи, пожалуйста... прости меня... я... я хочу, чтобы ты... стал моим отцом, – запинаясь, проговорил он.

От волнения у него опять подскочила температура, голова закружилась, и он чуть не упал. Павел Кузьмич успел подхватить его и отнес на кровать.

Алик очнулся в постели. Рядом сидели мама и отчим.

– Простите меня, – сказал Алик, едва открыв глаза. – Я всё понял, я был неправ... Ты не уйдёшь?

– Нет.

– Спасибо. И за подарок на день рождения тоже спасибо. Мне очень нравится... папа.

Алику очень трудно было назвать отчима папой, он никого и никогда так не называл. Но когда сказал это, словно гора с плеч свалилась.

– Спасибо, сынок, – Павел Кузьмич улыбнулся. – Я люблю тебя.

– А за что? Я так ужасно вёл себя...

– За то, что ты есть, за то, что ты не такой, каким хотел казаться, и за то, что я всегда хотел иметь сына.

– А я... я всегда мечтал иметь отца, – сказал Алик и добавил с волнением в голосе. – И еще... папа... я хочу носить твое отчество. И фамилию.

– Алик, ты согласен, чтобы я тебя усыновил? – с нескрываемой радостью спросил Павел Кузьмич.

– Да, – кивнул он. – Мама, папа, еще прошу вас никогда не называть меня Аликом. Папа, ты никогда раньше так меня не называл, ну и не надо начинать.

– Хорошо, Алёша, – согласился Павел Кузьмич.

Когда на следующий день перед уроками Элла снова пришла к Алику, он сообщил, что он теперь не Алик, а Лёшка. Она не знала, почему он решил, чтобы его звали по-другому, но сама любила менять имена, поэтому не удивилась. Она даже вызвалась помочь ему, предупредить одноклассников, чтобы обращались к нему по-новому. А кто будет называть по-старому, пригрозила она, с тем Лёшка не будет разговаривать.

Так Алик превратился в Лёшку.

Утром в классе Стас спросил, почему Элла не была вчера в школе и не пришла в кино.

– Мне было некогда, – холодно ответила она и добавила: – Да, Стас, скоро придёт мой сосед, освободи, пожалуйста, место.

Он, не говоря ни слова, пересел за другую парту. А после уроков, когда Элла побежала к Лёшке, догнал её и спросил:

– Лялька, в чём дело? Почему такой резкий поворот на сто восемьдесят градусов?

– Неужели непонятно? – усмехнулась она. – Просто я не хочу быть твоей девушкой. С тобой было весело, спасибо за всё, но у меня уже есть парень. Чао.

И Элла пошла дальше. Теперь она каждый день ходила к Лёшке, и даже немного жалела, что он так быстро поправляется. Она уже не могла представить, что хотела променять Лёшку на Стаса и его нефритовые кольца.

*

К концу мая Лёшка выздоровел и пришёл в школу. Когда он сел за парту рядом с Эллой, и Стас увидел, как эти двое смотрят друг на друга, он понял, что это и есть парень Эллы. Стас очень удивился: по сравнению с ним Лёшка выглядел натуральной мелюзгой.

После уроков он сказал мелкому:

– Задержишься на минутку. Поговорить надо.

Они остались в классе. Элла вышла, но осталась у двери, приложив ухо к замочной скважине.

– Слушай, салага, – сказал Стас. – Оставь Ляльку в покое. Она не для тебя. Она моя! Или ты отвяжешься от неё, или от тебя мокрого места не останется!

Он был выше на целую голову, и грозно навис над мелким.

– Нет, – ответил Лёшка.

– Слушай, мне ведь достаточно одного удара, чтобы вышибить из тебя дух, – сообщил Стас.

Лёшка не любил драться, и не умел. В младших классах он был такой маленький и хлипкий, что даже отпетые хулиганы не трогали его, навярное, опасаясь убить ненароком. А в старших классах никому и в голову не пришло бы драться с Лёшкой, все его уважали за ум, общительность и доброту. Он понимал, что в драке со Стасом у него нет шансов на победу, и, конечно, испугался. Но ни за что не показал бы, что боится, и ответил, смело взглянув на противника:

– Попробуй. Ты можешь бить меня сколько угодно. Элла всё равно будет дружить со мной.

– Да знаешь ли ты, что Лялька встречалась со мной целую неделю? – с ноткой превосходства в голосе сказал Стас.

– Знаю, – спокойно ответил Лёшка. – А со мной она уже год, и будет всю жизнь.

– Послушай, предупреждаю первый и последний раз, – внушительно произнес Стас. – Она будет моей, ясно?

– Это решать не нам с тобой, а Элле, – ответил Лёшка и пошёл к выходу, считая на этом разговор законченным.

– А ну стой! – крикнул Стас и кинулся за ним.

Лёшка обернулся, заблокировал удар, подставив руки под увесистый кулак Стаса. Но удар был так силен, что он не удержался на ногах и упал.

Тут в класс ворвалась Элла.

– Не смей его трогать! – закричала она, встав между парнями. – Не смей никогда, или я тебе такое устрою! Я уже сказала, не хочу с тобой дружить! Не хо-чу! Понятно? Проваливай! И попробуй еще хоть пальцем задеть Лёшку, я на тебя весь класс натравлю!

– Ладно, твоя взяла, заморыш, – сквозь зубы проговорил Стас. – Пока. Но Лялька всё равно будет моей, запомни!

– Никогда! – быстро возразила Элла. – Я запрещаю тебе называть меня Лялькой!

– Ты будешь моей. Лялька, – сказал Стас уверенно, ткнув пальцем в сторону девушки, и вышел из класса.

Элла бросилась к Лёшке и помогла ему подняться.

– Лёлик, извини, это всё из-за меня, – виновато сказала она. – Подумаешь, сходила с ним пару раз на танцы, а он уже возомнил себе, Бог знает что!.. Сильно он тебя ударил?

– Нет, – отмахнулся Лёшка. – Ну что, Ляля, идём домой?

Больше Стас не пытался действовать с позиции силы. Он попробовал подружиться с Лёшкой, в надежде узнать, чем этот мальчишка так приворожил Эллу. Дружбы не получилось, и ничего особенного Стас не узнал. Но, по крайней мере, отношения между ними стали приятельскими, и это очень радовало Эллу.

*

Время шло, а Элла и Лёшка продолжали дружить, и дружба их становилась всё крепче. Если раньше Элла злилась, когда Лёшка болел, то теперь почти с нетерпением ждала, когда он снова заболеет. А когда это случалось, с нежностью и заботой ухаживала за ним, проводя с ним все вечера, вообще не вспоминая о танцах.

Наступило лето, экзамены. Лёшка сдал все на «отлично», и в его аттестате были только пятёрки, а за некоторые предметы он получил похвальные грамоты. Элла сдала экзамены на четверки, но всё равно в аттестате у неё вышло больше половины троек. Она не переживала по этому поводу. Говорила:

– Лёлик, ты у нас умный за нас обоих.

*

На выпускном вечере, после окончания торжественного вручения аттестатов, Лёшка спросил:

– Ляля, ты уже решила, куда будешь поступать?

– Ага, – кивнула она без энтузиазма. – В молочный техникум, на товароведа.

– Ты же мечтала в театральный, или на журналистский факультет, – удивился он.

– Мало ли о чём я мечтала, – усмехнулась Элла. – Я реально оцениваю шансы. Даже если сдам вступительные экзамены, учебу не потяну, да и баллов наверняка не хватит, чтобы по конкурсу пройти. А в молочке мамина знакомая работает... А ты куда решил поступать?

– Я думал, мы с тобой вместе поедem поступать в Москву. Но если ты остаёшься в Кирове, я тоже останусь. Поступлю в наш политех. Там есть интересная специальность на машиностроительном факультете – «Машины и механизмы деревообработки».

– Алёшка, с ума сошел? – возмутилась Элла. – Какая деревообработка?! Конечно, поезжай в Москву! С твоим аттестатом ты поступишь в любой институт или университет! А я быстро закончу техникум, и приеду к тебе! Мне же учиться всего два года!

– Но... Лялечка... как я расстанусь с тобой на целых два года? – чуть смущённо спросил Лёшка.

– Ты же будешь приезжать на каникулы. А я буду часто навещать тебя в Москве. Не будь круглым дураком, поезжай!

– Родители то же самое говорят. Чтобы ехал... Москву посмотрел, себя показал. Но я еще подумаю. Целый месяц впереди.

– Ладно, думай, но ты знаешь, какого решения все от тебя ждут.

Лёшка на минуту оставил Эллу, чтобы отдать свой аттестат и грамоты родителям. Девушку тут же окружили одноклассницы, шумно восхищаясь платьем. Когда он вернулся, девчонки отошли, но он успел услышать восторги по поводу платья.

– Лялечка, я хотел спросить... – несмело проговорил Лёшка. – Почему ты надела на выпускной вечер другое платье, не то, которое мне показывала?

– А, я то продала, – Элла махнула рукой.

– Жаль. То платье тебе очень шло.

– А разве это тебе не нравится? – чуть разочарованно спросила Элла.

Она была в очень красивом платье из молочно-белого шёлка, богато расшитом на груди цветами из золотых и серебряных нитей. Другое, которое она показывала Лёшке в день Последнего звонка, выглядело проще. Но он был согласен с формулой: «Простота – подруга красоты», и считал, что то платье лучше подчеркивало природные достоинства Эллы. Всё же он сказал:

– Нравится, конечно, нравится.

– Но то тебе нравилось больше, да?

Элла была права. Когда она показала Лёшке платье, в котором собиралась идти на выпускной, он был поражен: оно как две капли воды походило на платье девушки из его сна. Он был уверен, что ему снится Элла, хотя по-прежнему не мог разглядеть лица. И если раньше иногда, самую малость, он сомневался, что видит во сне её, то теперь все сомнения исчезли.

– Нет, просто ожидал увидеть тебя в том платье. В нём ты была похожа на преображенную феей Золушку.

– А в этом? Разве нет?

– Нет, в этом ты похожа на королеву, гордую и неприступную.

– Ой, скажешь тоже! – засмеялась Элла. – Просто это платье гораздо красивее, мне его из самой Москвы привезли... Пойдём, потанцуем.

Как раз в этот момент зазвучал вальс, и середина зала опустела: танцевать его умели немногие. На танец вышли всего пять пар. Самой красивой среди них были Элла и Лёшка. Все любовались ими.

Музыка смолкла, Лёшка отвел Эллу на её место.

– Как здесь душно! – вздохнула она, обмахиваясь ладошкой. – Давай выйдем.

Они вышли из зала, поднялись на третий этаж, где никого не было.

– Ой, у меня кружится голова! – воскликнула Элла и пошатнулась.

– Я же тебя учил, чтобы голова не кружилась, когда танцуешь, надо смотреть в одну точку зала, – сказал Лёшка, поддержав девушку, чтобы она не упала. – Просто смотришь туда, а потом быстро-быстро поворачиваешь голову...

– Да знаю, знаю, просто не могу смотреть в одну точку зала, я всё время смотрю на тебя, – смеясь, ответила Элла. – И мне даже нравится, что я падаю, а ты меня держишь.

– Лялечка... моя королева, я... люблю тебя, – Лёшка обнял её крепче.

– Ой, Лёлик... Лёшка! – радостно воскликнула девушка. – Я думала, никогда не дождусь этих слов!.. Я тоже, тоже тебя люблю!

Они поцеловались. Они целовались и раньше, но как-то по-дружески, вскользь. А этот поцелуй был долгим и сладким, таким, что у обоих закружилась голова. Элла и Лёшка чуть не упали. Засмеявшись, они сели на скамейку у окна и целовались, пока за окнами школы не стемнело, а потом опять не стало светло.

Танцы продолжались, но Элла и Лёшка в зал не вернулись. Когда стало совсем светло, они вышли из школы и отправились гулять по городу. Им было так хорошо вдвоём, что не хотелось расставаться. Но Элла натёрла ноги новыми туфлями, и Лёшка, наконец, проводил её домой.

Они подошли к дому Эллы около шести утра.

– Ой, смотри, – засмеялась она, указав на стену возле двери подъезда. – Опять кто-то написал!

На стене большими буквами мелом было написано:

Элка + Лёшка = любовь

Лёшка шагнул к стене и хотел стереть надпись.

– Не надо, – остановила его Элла. – Разве это неправда?

– Правда, – согласился он.

– Лёлик, а давай поженимся! – вдруг предложила она.

– Конечно, поженимся, – ответил он, но не очень уверенно. Обоим исполнилось по семнадцать лет, и Лёшка не представлял, как это можно устроить до восемнадцати. Но стоило лишь представить, что после свадьбы они смогут не расставаться, ни на минуту, и даже будут спать в одной постели, ему захотелось сию же минуту бежать в ЗАГС. – Я очень этого хочу. Но мы пока не можем...

– Поженимся, конечно, но не сейчас, – пояснила Элла с улыбкой. – А когда я закончу техникум, и приеду к тебе в Москву. И мы будем жить в столице!

– Договорились, – согласился Лёшка, обнимая и целуя девушку. – Мы никогда не расстанемся, да?

– Никогда-никогда, – словно эхо, повторила она.

ГЛАВА 3. ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Июнь 1980 г.

За несколько дней до начала экзаменов Маша спохватилась, что у неё нет платья к выпускному. В Лебяжском ателье не могли обещать, что сошьют к нужному дню, слишком много было подобных заказов. Придётся покупать готовое, поняла Маша, но ни в одном из двух промтоварных магазинов села не нашла платья, которое бы ей понравилось. Мама дала Маше денег и отпустила в Киров, заверив, что в одном из магазинов большого города подходящее платье обязательно найдётся.

Маша сама точно не знала, какое платье хочет. Она ходила из магазина в магазин, но ничего из того, что видела, не нравилось. Неужели придётся просить выпускное платье у двоюродной сестры? Оно красивое, но уже вышло из моды, ведь Надя окончила школу три года назад.

Маша меланхолично перебирала платья в последнем магазине, который знала в Кирове – комиссионном, недалеко от автовокзала.

Вдруг к ней подошла очень красивая девушка и сочувственно спросила:

– Что, нечего выбрать?

– Ага, – кивнула Маша, тяжело вздохнув.

– А я ничего не покупаю в комиссионках, – чуть презрительно проговорила девушка.

В Лебяжьем не было комиссионного магазина, и Маша ответила:

– Я тоже не покупаю, но мне нужно платье на выпускной вечер, а ничего хорошего в обычных магазинах не смогла найти. Сплошной ширпотреб. Вот и зашла сюда...

– А что ж ты раньше не подумала? Надо было заказать в ателье месяца три назад.

– Думала, успею, – Маша еще раз тяжело вздохнула. – В любом случае, я не смогла бы объяснить в ателье, какое платье хочу...

– Ладно, помогу, похоже, мы с тобой один размер носим. У меня два платья, оба очень красивые. Хочешь, одно продам?

Они стояли напротив большого зеркала, и Маша сама видела, что у них очень похожие фигуры, только незнакомка чуть выше и одета шикарнее.

– Хочу! – радостно воскликнула Маша. Она решила, что платье наверняка ей понравится, так как девушка в очень модной, красивой и... скорее всего, недешевой одежде. Маша сникла: – Ой, наверное, оно очень дорогое, у меня может денег не хватить...

– Отдашь, сколько есть, – беспечно махнула рукой девушка. – Всё равно я его никогда не надену... Идём, я тут недалеко живу. А ты, наверное, не кировская?

– Да, я из Лебяжьего, – кивнула Маша. – А как ты догадалась?

– Приезжих сразу видно, – ответила девушка и поинтересовалась: – А Лебяжье – это где?

– Это районный центр на юге нашей области.

– А...

По дороге они познакомились. Новая знакомая представилась Эллой.

– А почему у тебя два платья? – поинтересовалась Маша.

– Одно сшила в ателье, – ответила Элла. – А второе из Москвы недавно привезли. Мама сказала, надень то, которое больше нравится, а второе продай. Я так и решила сделать, а в комиссионку пришла, чтобы цены узнать.

Они подошли к дому Эллы. На дверях подъезда белым мелом было жирно написано:

Элка + Лёшка = любовь до гроба, дураки оба

– Ну, я этим хулиганам уши оборву! – сердито сказала Элла, размазав ладонью конец надписи, до слова «любовь». – Идём, Маша.

Они вошли в квартиру, и Элла показала платье. Оно было как раз такое, какое Маша хотела: нежно-розовое, пышное, с оборками, и в то же время не перегруженное деталями – настоящий бальный наряд.

– Нравится? – спросила Элла, заметив, как очарованно Маша смотрит на платье.

– Нравится. А тебе не жалко?

– Нет, потому что другое еще красивее. Но я его не покажу, а то тебе это может разочароваться.

Маша и не настаивала. Ничего красивее она и представить не могла.

Элла попросила пятьдесят рублей, и Маша с радостью отдала их, понимая, что на самом деле платье стоит намного больше.

Она поблагодарила новую знакомую и уже собралась уходить, когда увидела на письменном столе под стеклом цветную фотографию красивого юноши. Элла, перехватив восхищенный взгляд Маши, похвасталась:

– Это мой парень. А у тебя есть друг?

– Конечно, – соврала Маша. – А твоего Алёшей зовут?

– Откуда ты знаешь? – удивилась Элла, и тут же догадалась: – А, да, надпись на дверях... А твоего как зовут?

– Моего тоже зовут Алексей, – сама не зная, зачем, снова соврала Маша.

А почему бы нет? Скорее всего, с Эллой она больше никогда не встретится, и уличать её во лжи будет некому. – Спасибо, ты меня так выручила. Мне пора, а то на автобус опоздаю. Желаю тебе и твоему Лёшке удачи, любви и всего-всего, что вы сами себе желаете.

– Взаимно, – ответила Элла.

Маша шла на автовокзал в прекрасном настроении. Она купила такое платье, о каком мечтала, и теперь точно знала, как выглядит её придуманный Лёшка. Если раньше Маша представляла его похожим то на одного киноартиста, то на другого, то на отца в молодости, неизменным оставались лишь высокий рост, цвет волос и глаз, то теперь она поняла – её «Лёшка» похож на этого незнакомого Алексея.

После раскрытия Машиного обмана два года назад, подруги некоторое время смеялись над ней и не верили, даже если она говорила правду. Но вскоре простили и практически не вспоминали ту историю. Разве что Оля иногда, когда хотела «подколоть». Но Маша о «Лёшке Морозове» не забыла. Только теперь «разговаривала» с ним, когда была абсолютно уверена, что никто не услышит.

У Маши еще остались деньги, и по дороге на автовокзал она зашла в магазин и купила красивое кружевное бельё и новую косметику. Теперь она во всеоружии, и все парни на выпускном будут смотреть только на неё.

*

Маша никому не показала платье до выпускного бала. Подруги увидели его, когда зашли к ней, чтобы вместе идти на вечер в школу. Таня могла подождать, когда за ней зайдут, но не утерпела, и тоже прибежала.

– Ой, Машка, какое платье! – восхитилась она.

На Тани было платье её старшей сестры, окончившей школу два года назад.

– Твоё тоже очень красивое, – сказала Маша.

– Ай, брось! – махнула рукой подруга. – Я хотела другое, но из-за Ларискиной свадьбы у нас очень мало денег. Вот и пришлось в её платье идти. Она его после своего выпускного ни разу не надевала... Надеюсь, его никто уже не помнит, – добавила она жизнерадостно. – На вечере же не будет никого, кто был тогда вместе с Лариской.

Маша понимала, Таня немного расстроена тем, что ей пришлось идти на самый важный в жизни бал в старом платье.

– Оно сидит на тебе лучше, чем на Лариске, – сказала Маша, и Таня сразу повеселела.

– Где достала? – деловито спросила Оля, увидев Машино платье, и в её голосе прозвучала нотка зависти. Хотя Олино платье не хуже.

– Сшила в ателье в Кирове, – ответила Маша. Элла не сказала, какое именно платье продала, но нетрудно догадаться, что сшитое в ателье, а не привезенное из Москвы.

– Здорово, – сказала Оля.

– А у тебя платье откуда? – спросила Таня у Оли.

Она была в очень знакомом платье, но Маша не могла вспомнить, где его видела.

– Одна мамина подруга-портниха сшила, – ответила Оля, почему-то смутившись.

А Маша вдруг вспомнила, где видела Олино платье. Да на танцах в Доме культуры, на одной из девушек, окончивших школу в прошлом году. Но ничего не стала говорить по этому поводу.

Таня и Оля восхищались Машиным платьем лишь до момента, пока не увидели Лену.

Та выглядела восхитительно в белом приталенном блейзере, глубоко открывавшем грудь и многослойной пышной юбке из органзы чуть ниже колен.

– Лен, ты просто красавица, – сказала Маша, ничуть не покривив душой, и про себя отметив, что Лена могла бы соперничать красотой с Эллой.

Она была самой красивой из четырёх подруг, и комплимент приняла, как должное.

– Ты тоже сегодня очень красивая, Машенька. И платье прелестное. Только надо бы накраситься поярче. Хочешь, дам свою помаду и тени?

– Нет, спасибо, – отказалась Маша. – Мне не идут яркие цвета.

– Откуда ты знаешь? Ты же никогда ярко не красилась, – сказала Оля.

– А вот знаю.

За полчаса до прихода подруг Маша накрасилась новыми тенями и помадой, которые купила в Кирове специально к выпускному балу. Они были ярче, чем те, к которым она привыкла. Посмотрев в зеркало, Маша увидела не себя, а вульгарную незнакомку. Она смыла макияж, выкинула новую косметику на помойку, и воспользовалась старой.

– Ладно, девочки, пора идти, а то опоздаем, – поторопила подруг Оля.

– Маш, а твоя мама пойдёт? – спросила Таня.

– Конечно, – кивнула та.

Мамы трёх девушек уже ждали дочек на улице, а родители Тани присоединились позже, когда нарядно разодетая компания мам с дочками проходила мимо Таниного дома. Все вместе они отправились в школу на выпускной вечер.

Подруги немного отстали от родителей, чтобы спокойно поговорить о своём, о девичьем.

– Оль, ты, наверное, Лёньку из армии ждать будешь? – спросила Таня.

Весной Оля проводила парня в армию, и много пролила слёз по этому поводу.

– Ну, вот еще, я ему ничего не обещала, – усмехнулась она. – Мне он уже и не нравится нисколько.

– А кто тебе нравится? – поинтересовалась Лена.

– Из одноклассников, что ли? Да у нас и посмотреть-то не на кого, кроме как на Рукавишников да на Котова.

– А в десятом «А»? – уточнила Таня.

– Там тем более, – махнула рукой Оля.

– А я слышала, Кочергин из десятого «А» тобой интересовался, – как бы между прочим, проговорила Таня.

– Да ну, ерунда это, – не поверила Оля, но тут же любопытствовала: – А кто говорит-то?

– Да не помню уже, – отнекалась Таня.

– Ну... вообще-то Кочергин тоже ничего, – подумав, сказала Оля.

– Тань, а твой Васька приедет на вечер? – спросила Лена.

Таня с седьмого класса дружила с парнем из соседнего села Окунево, что в двадцати километрах от Лебяжьего. Сначала они только переписывались, потом стали иногда встречаться по выходным в Лебяжьем.

– Он не приедет, – холодно ответила Таня. – Во-первых, у него сегодня тоже выпускной, во-вторых, мы расстались.

– Почему? – удивилась Оля. – У вас такая любовь была.

– У вас с Лёнкой тоже любовь была, – парировала Таня и добавила: – Я узнала, что у него другая есть, из его села. Зачем он мне после этого?

– А сейчас тебе кто-нибудь нравится? – спросила Лена.

– Ну... не знаю, – пожала плечами Таня. – Те, кто нравятся, на меня внимания не обращают.

– Кто, например? – уточнила Лена.

– Рукавишников... Широков... Котов, – задумчиво проговорила Таня. – Лен, а тебе кто нравится?

– Никто.

Лена всегда дружила с парнями старше себя на два-три года, последний её парень был старше на пять лет, и расстались они потому, что он женился.

– Совсем-совсем никто? – усомнилась Оля.

– Ну... разве что Рукавишников... немного, – ответила Лена. – Он как-то посolidнее других выглядит.

– Маш, а тебе кто нравится? – спросила Таня.

Маша до сего момента участия в разговоре не принимала, и неопределённо пожала плечами, не зная, что ответить. Имена тех, кто ей нравился, Рукавишникова, Широкова и Кочергина уже прозвучали, и она не хотела повторять их. А Котова Маша тихо ненавидела, поэтому его кандидатуру даже не рассматривала.

– Маш, ты хоть вопрос-то слышала? – с улыбкой спросила Лена.

– Да она, наверное, опять о своём Лёшке мечтает, – с усмешкой сказала Оля.

– Олька, ну ты опять? – укорила Таня.

– Я же пошутила, – невинным тоном ответила Оля. – А Машка нисколько не обиделась. Маш, правда, ты же не обиделась?

– Правда.

Не обиделась, потому что на самом деле часто думала о Лёшке Морозове. Но только не сейчас. Волновалась перед выпускным балом, и верила, что сегодня обязательно случится что-то, что перевернёт её жизнь и превратит из гадкого утёнка в прекрасного лебедя, из Золушки – в принцессу. И ей уже не будет нужен придуманный парень, потому что появится настоящий.

Может, это будет Лёшка Кочергин из десятого «А». Маша сама не знала, почему этот парень ей нравится, но подозревала, потому, что его тоже зовут Лёшка. Еще он симпатичный, весёлый и остроумный. Конечно, до Лёшки Морозова ему далеко, но она и не надеялась, что такой идеальный парень существует в реальности. А если и существует, то на кой ему сдалась такая серая мышь, как Маша.

А может, ей предложит дружбу Максим Широков?.. Он нравился Маше за то, что всегда вежлив и корректен в обращении с девочками. От него не услышишь грубого слова, он даже в младших классах никогда не толкал девочек, не дёргал их за косы и не подставлял «ножки». Маша была бы счастлива, если бы Максим обратил на неё внимание. Потому что вежливость – основная черта характера Лёшки Морозова.

Ну, а... вдруг случится чудо? – и её пригласит на танец Володя Рукавишников, ставший первым красавцем школы, когда Сашка Банников закончил десятый класс. Но этот Володька

такой задавала, что не достаивает взглядом девчонок, подобных Маше. Даже на Ленку Золотавину, самую красивую девушку в классе, не смотрит. Говорят, у него подруга в Советске неопикуемой красоты.

И все же Маша на что-то надеялась.

Когда вручали аттестаты, вызывая каждого выпускника отдельно, Маша тоже поднялась на сцену актового зала школы. Никогда раньше не стремилась быть в центре внимания, но сегодня хотела, чтобы её заметили. Директор вручил Маше маленькую зеленую книжечку – аттестат зрелости, красную гвоздику и подарок – большой красивый фотоальбом. Ни хвалить, ни ругать Машу было не за что, поэтому он просто пожал ей руку, пожелал успехов и вызвал следующего выпускника.

Спускаясь со сцены, она окинула взглядом зал. На неё не смотрели ни Кочергин, ни Широков, ни Рукавишников. Но было недосуг расстраиваться по этому поводу. Она прошла на свое место рядом с мамой и отдала аттестат и подарки.

– Поздравляю, дочка! Ты окончила школу, – радостно сказала мама.

А Маше вдруг стало жаль, что она училась не на пятёрки, и не её сейчас расхваливает директор перед аудиторией, полной выпускников и родителей.

– Мам, прости, что я не отличница, – виновато шепнула она.

– Да разве в оценках дело, Машенька. Я и без того знаю, что ты у меня умница.

Маша и сама знала, что могла бы учиться лучше. Если бы поменьше мечтала о Лёшке Морозове и ему подобных.

– Думаешь, я смогу поступить в институт?

– Конечно, сможешь, – уверенно ответила мама. – А в какой ты хочешь?

– Еще не решила, – вздохнула Маша.

– Ну, тогда можешь годик поработать, и подумать заодно, – сказала мама.

– Так и сделаю, – согласилась Маша.

Торжественная часть закончилась, родители разошлись по домам, а выпускников пригласили в школьную столовую, где для них накрыли праздничные столы. А после ужина начались танцы в спортзале, украшенном по случаю торжества цветами и воздушными шарами.

Маша, Таня, Оля и Лена – все золотавинские девчонки – собрались отдельной группой у стены и принялись обсуждать наряды одноклассниц и девчонок из параллельных классов. Маша рассеянно соглашалась со всем, что говорили подруги, почти не слушая их.

Девушки небольшими группами обосновались на левой стороне зала. Парни – на правой. Интересующие Машу юноши так и не обратили на неё внимания, несмотря на её красивое платье.

Она уже поняла, что её наряд далеко не самый великолепный на этом балу. Стоит взглянуть на ту же Ленку Золотавину. Или на Альку Семенову из десятого «Б» – на ней белый сарафан на одной бретельке, расшитый серебряной нитью, а сверху прозрачная шёлковая накидка, стянутая на талии серебряным пояском. А Оксанка Голубева из «А» словно сошла со страницы модного заграничного журнала в облегаящем фигуру платье в пол из голубого с переливом шёлка, глубоким вырезом на спине и разрезом сбоку чуть не до талии. Оксанка словно облита жидким металлом, и все парни и даже девчонки не могут отвести от неё глаз. Машиню платье на фоне этих шедевров портновского искусства казалось слишком простым. Впрочем, так, как Оксанка, она и не осмелилась бы одеться, потому что чувствовала бы себя голой. Маше свое платье всё равно очень нравилось. Может, оно не лучшее на этом балу, но и не худшее.

Танцы открылись школьным вальсом, но танцевать его правильно умели немногие, и по залу кружилось всего шесть пар. Маша умела, но её никто не пригласил.

Вальс отзвучал, и начались быстрые танцы, которые танцуют в кругу без партнера, и Маша вдоволь натанцевалась вместе с подругами.

Но, когда звучала медленная мелодия, она оставалась у стены в компании нескольких девчонок, которых тоже никто не приглашал. Маша еще могла понять, почему не приглашают Ольку Варсегову – у неё зубы торчат вперед, как у лошади, или Наташку Приходько – она ужасно толстая. Но почему никто не приглашает Веру Опалеву, Лиду Тюкалову, Ирину Дуракову, Марину Рычкову и её – Маша не могла понять. Она уже не мечтала, чтобы её пригласили Кочергин, Широков или Рукавишников. Пригласил бы хоть кто-нибудь!

Впрочем, Маша не с любым парнем согласилась бы танцевать. Например, с Колькой Котовым точно не пошла бы – однажды, в восьмом классе, он запустил в неё треугольником, попал прямо в лоб и даже не извинился. И с Олегом Макаровым тоже не пошла бы – он ей надоел за те три года, что сидел с ней за одной партой.

Не понимала Маша и того, почему у Маринки Макеевой и Ольки Шишкиной нет отбоя от кавалеров, хотя обе далеко не красавицы.

Маше ничего другого не оставалось, как стоять у стены, ожидая, когда закончится медленный танец, и жалеть, что Лёшка Морозов не может сейчас войти в эту дверь, пройти через весь зал к ней и под изумленными взглядами одноклассников пригласить её на танец.

Мечтая о несбыточном, Маша, от нечего делать, наблюдала за подругами.

Таню всё время приглашал Максим Широков. Вот уж чего Маша никак не ожидала, да и Таня тоже. Подруга аж светилась от радости, потому что Колька Окунев, с которым она дружила раньше, и в подметки не годился Максиму.

Олю часто приглашал Лёшка Кочергин, она тоже была очень рада, но старалась этого не показывать, и охотно принимала приглашения других парней.

Лена весь вечер танцевала с Володей Рукавишниковым. Они о чём-то тихо разговаривали, смеялись, и даже между танцами не отходили друг от друга.

Вот так рушатся воздушные замки, разлетаются мыльными пузырями радужные мечты. Все три парня, которые нравились Маше, достались её подругам. А она – у разбитого корыта.

Маше хотелось плакать.

Когда начался очередной медленный танец, она побежала к выходу из зала, чтобы не разреветься на виду у всех. Но, прежде чем выйти, краем глаза заметила, что к Оле подошли два парня – Лёшка Кочергин и Тимур Сураев. Оля выбрала Тимура. Маша усмехнулась. Ох, и вредная эта Олька! Ей же Лёшка нравится!

Мимо пролетел Кочергин, Маша едва успела отскочить в сторону.

Она решила побродить по школе, и хотела зайти в любимый кабинет географии, но, чуть приоткрыв дверь, увидела, что в классе уже кто-то есть. Лёшка Кочергин и Олег Макаров курили, сидя на подоконнике открытого окна.

– Она еще пожалеет, – говорил о ком-то Лёшка раздраженным тоном.

Маша догадалась, что это об Оле, и решила послушать, что еще он скажет.

– Она думает, я буду за ней бегать, – продолжал Лёшка. – Очень нужно. Пусть-ка сама побегает. А назло ей приглашу другую. Вопрос: кого?

– Лидку Тюкалову, – предложил Олег.

– Эту зануду? Ни за что, – фыркнул Лёшка.

– Ну, тогда Розку Каримзанову из вашего класса, – снова предложил Олег.

– Да я терпеть её не могу, – скривился Лёшка.

– Она же красивая.

– Зато глупа, как пробка, – отрезал Лёшка.

– Тогда Машку Веселову. Она ничего, симпатичная. И не дура.

– А почему ты сам её не приглашаешь, если она тебе нравится?

– Да она не пойдёт со мной.

– Почему?

– Я сидел с ней за одной партой с шестого по восьмой. А в девятом она отказалась со мной садиться.

– Почему?

– Ну... я дурак был, всё пытался ей досадить, – вздохнул Олег. – Чего только ни делал: и за косы дергал, и дохлых тараканов в портфель подкладывал, сменную обувь прятал, а она ни разу не пожаловалась никому.

– А она действительно ничего, – подумав, сказал Лёшка. – Решено. Приглашу её.

Парни докурили, выбросили окурки в окно, и пошли к двери. Маша поспешила отойти и спрятаться за дверью другого класса.

Олег и Лёшка ушли. Немного погодя, Маша вернулась в зал и подошла к Тане и Оле.

– Маш, ты куда пропала? – спросила весёлая разгоряченная Таня.

Хоть она заметила отсутствие Маши. И на том спасибо.

– Выходила воздухом подышать. Здесь так душно. А ты без меня тут не скучала.

Подруга бросила на Машу виновато-счастливый взгляд, и хотела что-то сказать, но не успела. Снова объявили медленный танец, к Тане подошел Максим и пригласил. Маша осталась стоять у стены рядом с Олей.

К ним направился Лёшка. Оля сразу подтянулась и чуть подалась вперед, уверенная, что Лёшка идёт приглашать её. Он шёл вроде бы к ней, но в последний момент повернулся к Маше.

– Разрешите?

Маша не сомневалась, что Лёшка сделал это назло Оле. Она не сомневалась бы, даже если бы не слышала разговора парней в кабинете географии. Боковым зрением увидела обиженное лицо Оли и сказала:

– Извините, я не танцую.

Кочергину ничего не оставалось, как повернуться к Оле и пригласить её. Что он и сделал, и они пошли танцевать.

Все произошло так быстро, что никто, кроме них троих и не понял, что, собственно, произошло. А Лёшка не проболтается. И Олька никому не расскажет. Хотя «спасибо» от неё тоже не дождёшься.

Маша опять осталась в одиночестве, ругая себя за то, что поступила по велению сердца, и упустила возможность потанцевать с парнем, который нравится.

«А если меня больше никто не пригласит сегодня?... – думала с грустью. – Но если бы я пошла с Лёшкой, Олька смертельно обиделась бы на меня. Вот если бы он пригласил меня не назло Ольке, а просто так... Ладно, когда объявят белый танец, приглашу, кого захочу. Володьку Рукавишникова, например. Ленка не обидится, как Олька».

Но, когда объявили белый танец, Маша не решилась пригласить Володю. Испугалась, что он откажет ей, как она отказала Лёшке. Это был бы такой позор! Лучше уж весь вечер простоять у стены, чем испытать такое!..

И тут же пожалела, что такая трусиха. Удивительно, но Лены почему-то не было рядом с Володькой, когда объявили белый танец. К нему подошла Наташка Приходько, и пригласила. Парень покраснел, как рак, но пошёл танцевать. Даже ежу понятно, что если он с Наташкой пошёл, то Маше и подавно не отказал бы. Пока она ругала себя за нерешительность, всех парней, которых еще можно было пригласить, разобрали.

Протанцевав в кругу еще несколько быстрых танцев, Маша снова оказалась у стены. Прошла добрая треть медленного танца, когда к ней подошел Слава Игошин и, смущаясь, пригласил.

Маша кивнула, и приняла приглашение Славы.

Слава был ничем не примечательным мальчиком небольшого роста. Маша немного опасалась, что на каблуках выше него.

Юноша осторожно держал партнершу за талию, и за весь танец не проронил ни слова, и не поднял глаз. Маша училась с ним с четвертого класса, но за все семь лет учёбы не помнила случая, чтобы они сказали друг другу хотя бы пару слов.

Танец закончился, Слава проводил Машу до её места у стены, краснея, проговорил:

– Спасибо, – и отошел.

А потом её пригласил Максим. Маша, конечно, обрадовалась, но радость сразу улетучилась, когда она заметила, что Таня ни с кем не танцует. Она сразу поняла, что подруга великодушно решила на несколько минут уступить своего кавалера. Машу так и подмывало спросить Максима, не Таня ли попросила его пригласить её, но не решилась.

– Куда будешь поступать? – спросил Максим во время танца.

– Пока не решила. А ты?

– Тоже еще не решил, – ответил он, и беседа на этом закончилась.

Максим вежливо поблагодарил Машу за танец, вернулся к Тане, и уже больше не отходил от неё.

А Маша во время медленных танцев опять скучала у стены. Несколько раз у неё мелькнула мысль уйти домой, но её удерживало то, что это всё-таки самый последний школьный вечер, и то, что выпускной бал бывает один раз в жизни. Она слышала много рассказов о выпускных балах от мамы, двоюродной сестры, Таниной старшей сестры Ларисы и других знакомых девушек. Все восторженно восклицали: «Ах, это было чудесно!» И Маша ждала, когда же и ей станет «чудесно».

Вечер закончился за полночь, и выпускники пошли гулять по селу. Все три класса разошлись в разные стороны, но иногда на перекрестках они встречались, радостно приветствуя друг друга, как будто не виделись целый год. И это было чудесно, ребята вперемешку с девочками, шли, обнявшись, по проезжей части улицы, пели, шутили и смеялись. Маша не заметила, как оказалась между Максимом и Володей. Они оба обнимали её за талию, а она шла, положив руки на их талии. С другой стороны рядом с Максимом шла Таня, а рядом с Володей – Лена. Оля куда-то исчезла, и Маша поняла, что она ушла гулять с Кочергиным после одной из встреч с его классом.

Восточный край неба начал светлеть, когда десятый «В» вышел на берег Вятки. Стало прохладно, а пиджаков у ребят на всех девушек не хватило – девочек в классе больше, чем парней. Ребята разожгли костер. Маше нравилось сидеть у костра среди одноклассников, слушать шутки, анекдоты, смешные истории. Рядом сидела Наташа Приходько. Они не дружили, но отношения всегда были хорошие. Наташа не сблизжалась ни с кем в классе, наверное, думала, что если с ней и будут дружить, то лишь из жалости.

– Наташ, как же ты решилась пригласить Рукавишникова? Ты не боялась, что он тебе откажет? – шёпотом спросила Маша.

– Боялась, – так же тихо ответила Наташа. – Но я решила: приглашу, и будь что будет. Если бы он отказал, я бы просто сразу ушла домой, и всё.

– А вы о чём-нибудь говорили? – любопытствовала Маша.

– Да. Только никому не рассказывай. Я сказала Володьке, что люблю его.

– А он что?

– Очень смутился, а потом ответил: «Извини, я люблю Лену».

– Наташ, а ты на самом деле влюблена в него?

– А что, я разве не могу влюбиться, как все? – ответила Наташа с вызовом в голосе, и добавила с бесконечной печалью: – Но может ли кто-нибудь влюбиться в меня...

Маша не нашла слов, чтобы подбодрить Наташу, и только взглянула на неё с сочувствием.

– Не надо меня жалеть, – жёстко сказала Наташа и отодвинулась.

Маше сразу стало холодно.

А потом Марина Макеева, комсорг класса, активистка всех общественных мероприятий, придумала новое развлечение: предложила встретиться здесь, на берегу Вятки ровно через три года, а сейчас написать записки, кто чего мечтает достичь за это время, сложить записки в бутылку и закопать. А через три года откопать и прочитать.

Все с энтузиазмом согласились. Олег Макаров пожертвовал записную книжку, у нескольких ребят в карманах пиджаков нашлись авторучки. Листочки свернули в трубочки, закупили в бутылку из-под шампанского, и закопали в десяти шагах на восток от старой березы.

Постепенно разговоры вокруг костра смолкли сами собой. Все сидели молча, задумчиво глядя на огонь и думая каждый о своём. Маша думала о том, как ребята соберутся вокруг костра через три года, какими они станут, и какой станет она сама.

И не заметила, как задремала, прислонившись к тёплому плечу Наташи Приходько. Она на одно мгновение закрыла глаза, а когда открыла, было уже светло. У потухшего костра сидели только Маша, Наташа, Вера и Лида. На Машины плечи был наброшен пиджак Максима.

– А где все? – удивленно спросила Маша.

– Смылись, – усмехнулась Вера. – Не понимаю, чего еще мы-то здесь сидим?

– Маша проснулась, можно идти домой, – сказала Наташа и встала.

За ней поднялись остальные. Все, кроме Маши, жили в Лебяжьем, и идти до дома им недалеко. Девушки пошли через лес к дороге.

– Маш, пойдём, у меня переночуешь, – предложила Наташа.

– Спасибо, Наташ, я домой пойду. Ночь уже кончилась.

– Ну, как хочешь.

– А почему на мне Широковский пиджак? – спохватилась Маша. – Максим отдал его Таньке, когда стало прохладно.

– Когда они решили смыться, Танька набросила пиджак Макса тебе на плечи, – пояснила Наташа.

– Возьми, отдай ему, – Маша сняла пиджак и протянула Наташе – Максим был её соседом по дому.

– Ладно, – согласилась та.

– Пока, девочки, – Маша свернула на дорогу, ведущую к Золотавино.

Утро было прохладное. Маша шла быстро, несмотря на то, что новые туфли натёрли ноги. Было грустно, потому что вечер прошёл не так, как представлялось в мечтах.

– Вот так-то, Лёшка, – поделилась она мыслями с воображаемым другом, рассказав в подробностях о выпускном вечере. – Так меня никто и не заметил. А разве могло быть иначе? Если я была серой мышью все десять лет, глупо надеяться, что в последний вечер что-то изменится.

– Ты была на балу вовсе не серой мышью, – возразил Лёшка. – Если бы мог, обязательно пришёл бы, и танцевал бы с тобой весь вечер. И я считаю, что тебе совершенно незачем меняться.

В глубине души Маша понимала, что не хочет становиться другой. Такой, как, например, Оля Шишкина. Та всегда слишком ярко красилась, ходила на высоченных каблуках и носила очень короткую форму, несмотря на то, что в моду уже года три, как вошли юбки ниже колен. Всегда очень громко смеялась над шутками парней и беззастенчиво встревала в их разговоры. Позволяла парням класть ей руки на плечо, обнимать за талию или даже шлёпать по заднице. Такой популярности среди парней Маша не желала.

Нет, она определенно не хотела быть как Оля.

Но понимала, что если не изменится, то у неё никогда не появится реальный парень.

– Но измениться ты можешь, если захочешь, – добавил Лёшка.

– Вот увидишь, какой я стану через три года. Одноклассники меня не узнают. Я стану такой, что и Кочергин, и Широков, и Рукавишников еще жалеть будут, что не обращали на меня внимания.

– Правильно, Маша. Не надо унывать. И, знаешь, на свете еще очень много парней, кроме этих троих.

– А еще у меня есть ты. Пока, Лёшка, спасибо, что проводил.

*

Маша вошла в дом тихо-тихо, чтобы не разбудить маму, так, что не скрипнула ни одна половица.

Но мама не спала.

– Это ты, дочка? – она выглянула из двери кухни. – Как прошёл вечер?

– Чудесно, – ответила Маша. – Только я очень устала и хочу спать.

Рассказывать о выпускном прямо сейчас не хотелось. Надо еще подумать, как рассказать, чтобы мама была уверена, что всё было просто чудесно.

– Иди, отдыхай, дочка... Нет, постой. Ответь на один вопрос... Тебя кто-нибудь проводил?

В голосе мамы слышалось тщетно скрываемое любопытство.

«Интересно было бы еще узнать, какой ответ она надеется услышать», – подумала Маша и полюбопытствовала:

– А почему ты спрашиваешь?

– Ну... я видела, как твоих подруг провожали мальчики. Вот и подумала, а не придётся ли тебе возвращаться домой одной. Всё-таки ночь на дворе.

– Конечно, меня проводили, до околицы, – уверенно соврала Маша. – А ночь уже кончилась.

Маша ушла в свою комнату и легла. Но поспать ей дали всего часа два. В восемь прибежала Таня, которой не терпелось поделиться впечатлениями.

– Знаешь, Маш, я и не мечтала, что Максим со мной весь вечер будет, – сообщила Таня счастливым голосом. – Он мне давно нравился, только я сначала с Окуневым дружила, да и Макс не обращал на меня внимания... А сейчас я, кажется, влюбилась! Маш, это такое удивительное чувство!

– Ты и в Окунева была влюблена, – заметила Маша.

– Да, но с Колькой это было так... по-детски, а теперь я влюбилась по-настоящему. Мы с Максимом всё говорили и говорили, потом целовались, потом опять говорили. Знаешь, в эту ночь мы сказали друг другу в сто раз больше, чем за все семь лет учёбы в одном классе.

– О чём же вы говорили?

– Да о разном. Кстати, и о тебе. Я рассказала Максиму, какая ты хорошая девчонка.

– Ну, и зачем? – нахмурилась Маша.

– Он сам попросил рассказать о моих подругах... И чтобы он знал, какая ты, чтобы другим рассказал, чтобы они поняли, кого теряют.

– Я в рекламе не нуждаюсь.

– А что такого? Я говорила о тебе только хорошее. Знаешь, что я сказала Максиму? Что если бы я была парнем, то непременно влюбилась бы в тебя. И знаешь, что он ответил? – Таня сделала многозначительную паузу и добавила: – Он сказал, что если бы не было меня, он влюбился бы в тебя.

Маше польстило это заявление, но она не подала вида, а спросила:

– Так, значит, Максим в тебя влюблён, и вы будете встречаться?

– Ага, – кивнула Таня.

– А, может, вы и поженитесь? – лукаво спросила Маша.

– Может быть, когда-нибудь, – подруга скромно опустила глаза и добавила: – Мы с Максимом в среду пойдём в кино. Хочешь с нами?

– Не-ет, – протестующе протянула Маша. – Я же не идиотка, идти куда-то с влюблёнными. Третий лишний, Танечка, знаешь такую прописную истину?

– Знаю, знаю, – отмахнулась та. – Но я тебя приглашаю потому, что Максим сам предложил позвать тебя с нами в кино.

– Ага, так я и поверила, – усмехнулась Маша.

– Нет, правда, – поклялась Таня. – Он сказал, что я могу тебя позвать с собой, если хочу. А я хочу.

Но Маша всё равно не поверила.

– А кто провожал тебя вчера домой? – поинтересовалась Таня.

– Никто.

– Ой, я удивляюсь, какие у нас парни дураки! – возмутилась Таня и добавила поучительно: – Но тебе и самой надо быть смелее! Активнее! Вот, посмотри на Ольку Шишкину: ты в сто раз умнее и красивее. И ты почти весь вечер провела одна, а она ни одного медленного танца не пропустила. А всё потому, что вела себя активно и раскованно!

– Скорее навязчиво и распушено, – заметила Маша и добавила: – А я кокетничать не умею и не хочу.

– Но иногда это просто необходимо! – убежденно сказала подруга. – Иногда надо самой сделать первый шаг, а то так и останешься одна на всю жизнь.

– Не останусь, – буркнула Маша. – А ты сама, что ли, на Максима вешалась?

– Нет, конечно! – возмущённо возразила Таня. – Но «глазки построить» пришлось.

– Когда влюблюсь в кого-нибудь, тогда и буду «глазки строить», – сказала Маша.

Они еще поболтали, и Таня ушла домой. Только Маша собралась снова заснуть, как к ней прибежала Оля.

– Маш, привет! Дашь мне ту кофточку, которую тебе мама привезла из Болгарии в прошлом году? – с порога спросила она. – В субботу в ДК приедут артисты из областной филармонии, Лёшка меня пригласил. Так дашь?

– Дам, дам, – ответила Маша, подумав: «Интересно, зачем Ольке моя кофта? Вот будто у самой надеть нечего. Да у неё нарядов в три раза больше, чем у меня. А, понятно, Олька пришла похвастаться, что Лёшка пригласил её на концерт, а кофточка – только предлог».

– Спасибо, Маш, я знала, что ты меня выручишь, – поблагодарила Оля. – Ну, как выпускной, когда вы по домам разошлись?

– В шестом часу утра. На берег Вятки ходили, за село, костер жгли, – рассказала Маша. – Договорились встретиться там же через три года. Записки написали, кто чего добьётся за это время, запечатали их в бутылку и закопали. Было весело. Зря ты рано ушла.

– Да, наверное, – согласилась Оля. – Жалко, что меня с вами не было... Но мы с Лёшкой тоже неплохо провели время. Помнишь, по селу гуляли? Так вот, когда мы с «ашниками» третий раз встретились, в сквере у музыкалки, Лёшка схватил меня в охапку, и утащил за дерево. «Никуда больше тебя не отпущу», – сказал он, и мы пошли гулять вдвоём. На лодке катались... А потом он меня домой проводил. Ой, Машка, он так здорово целуется! Я думала, так только взрослые парни умеют.

– А мы разве не взрослые? – улыбнулась Маша.

– И правда, взрослые, – засмеялась Оля.

Маша дала подруге кофточку, и та убежала. Поняв, что спать больше не хочется, пошла завтракать.

Едва Маша успела выпить чаю, как пришла Лена. Она всё еще была в нарядном костюме, который выглядел изрядно помятым. Где ж она его так уханькала-то?..

– Маш, извини, что я так рано, – сказала она чуть виновато. – Но мне надо с кем-то поговорить, а то я так ужасно себя чувствую...

– Что случилось? – спросила Маша, но Лена продолжала говорить, не обратив внимания на вопрос.

– Я решила пойти к тебе, потому что знаю, ты умеешь хранить чужие тайны.

– Да что случилось-то? – переспросила Маша заинтригованно.

– Ой, Машка, случилось такое, что я даже не знаю, рассказывать ли... Но если прямо сейчас с кем-нибудь не поговорю, я... просто сойду с ума!

Маша еще ни разу не видела Лену такой взволнованной, растерянной и неуверенной. И еще так неряшливо одетой.

– Лен, успокойся, и расскажи, что произошло, – она подошла к подруге, обняла, усадила на диван и села рядом. – Ты же знаешь, я ничего никому не расскажу.

– Ладно... – вяло сказала Лена и вдруг встрепенулась: – А твоя мама дома?

– Нет, в огород ушла.

– Хорошо... Тут такое дело... Когда мы на выпускной шли, я и не думала, что Володька мне нравится. Только когда Танька спросила... А он вдруг пригласил меня на танец. Мы разговорились. Я раньше всех наших ровесников салагами считала. Да и сейчас считаю, но Володя не такой. Он взрослый, и мне было с ним интересно. Ты же помнишь, наверное, я весь вечер с ним танцевала. Один раз отлучилась по надобности, так эта толстуха Приходько его тут же сцапала. Не ожидала от неё такой прыти... Я потом спросила у Володьки, зачем он согласился с ней танцевать, а он ответил: «Мне её просто жалко стало. Я подумал, ну не развалюсь же, если разок потанцую с Наташкой. А она взяла и сказала, что любит меня». – «А что ты ответил?» – спросила я. «Сказал ей, что люблю тебя», – ответил он. Я усмехнулась: «Шутишь, да?» – «Нисколько, – ответил он. – Я на самом деле тебя люблю». – «А почему раньше не говорил?» – спросила я, а он ответил: «А потому, что ты всё время с другими парнями дружила, меня не замечала. Скажи, я нравлюсь тебе хоть немного?» – «Нравишься», – ответила я.

Лена помолчала. Маша не торопила её, и подруга продолжила:

– Знаешь, Маш, я думала, что после женитьбы Игоря уже никого не смогу полюбить. А тут почувствовала, что влюбляюсь... Мы с костра одними из первых ушли. Хотели побыть вдвоём. Володька меня до дома проводил, но не ушёл, и мы еще погуляли за околицей, у речки. Он про себя всё рассказал, а я ему – про себя. Я даже призналась, что все парни меня почему-то бросают, и он заверил, что никогда не бросит. А я пообещала ждать его из армии. Он ведь осенью уже уходит... Он обнял меня и стал целовать. Это было так здорово, у меня аж голова закружилась. А мы на плотике стояли, равновесие потеряли, и оба плюхнулись в воду. А ночью, знаешь, не жарко было, и я предложила Володьке пойти погреться к нам в баню. Её вчера утром топили, и там еще было тепло. Мы разделись, одежду выжали, сушить повесили, и в одном бельё остались. Ну, и... – Лена прервала рассказ долгим вздохом. – Короче, нас так друг к другу потянуло, что мы не удержались... В общем, переспали. Он совсем недавно ушёл. Маш, ты теперь будешь презирать меня, да?

– Почему? – удивилась Маша.

– Ну... Мы же поступили плохо...

– Лен, ты любишь Володьку?

– Люблю, конечно! Я никого еще так не любила! – Лена вскинула опущенную голову.

– Тогда за что тебя презирать? Теперь вы просто поженитесь, и все.

– Поженимся, конечно, но не сейчас, а когда Володька придёт из армии. Могли бы и сейчас, но мне еще нет восемнадцати, да и ему будет только в конце августа... Предки ни за что не согласятся сейчас... А если узнают, что мы сделали... маму точно удар хватит, а папа меня просто убьёт.

– Не переживай, Леночка, – мягко сказала Маша. – Я никому не скажу. Главное, что вы любите друг друга, и всё равно поженитесь. А сейчас, или потом, неважно.

– Правда? – воспрянула духом Лена.

– Конечно, – уверенно кивнула Маша.

– Спасибо тебе, Машенька, – с чувством проговорила Лена.

– За что?

– За то, что поддержала меня, – ответила подруга и поднялась с дивана. – Ладно, пойду. Ужасно хочется спать. Я еще совсем не ложились. Но если бы с тобой не поговорила, мне было бы не уснуть... Да, Маш, если вдруг моя мама спросит, скажешь, что мы вместе с вечера пришли, а потом я у тебя сидела?

– Конечно, Лен, не беспокойся. Только давай твой костюм отутюжим, а то твоя мама мне не поверит.

Маша погладила блейзер и юбку подруги, и Лена ушла. А Маша смотрела ей вслед и завидовала.

«Все мои подружки влюблены, – с грустью думала она. – А когда же я?.. Когда придет моё время?»

ГЛАВА 4. ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА

Июль 1980 – август 1981гг.

«Мы не расстанемся никогда», – сказал Лёшка Элле, но пришлось: через два дня после выпускного бала она уехала с родителями на юг на месяц. А Лёшка отправился в Молому. Он любил проводить лето здесь, и приезжал каждый год с четырнадцати лет. Первое лето в Моломе он был пастухом, а в следующие годы освоил и другие деревенские специальности – работал на зерносушилке, на сенокосе, на заготовке силоса и в овощехранилище. У него в селе появилось много друзей и знакомых, но лучшим другом оставался Сергей Коновалов. Правда, пошёл второй год, как Сергей в армии.

Когда Лёшка приехал в Молому, сенокос уже начался. Он попал в бригаду к девушкам, чему они очень обрадовались. Он работал с ними два лета назад на зерносушилке, вместе с Серёжкой. Тогда они были совсем девчонками, а сейчас он увидел прелестных девушек, и ему было приятно находиться в их обществе.

Самая юная в бригаде – пятнадцатилетняя Галя Дорофеева, зато самая бойкая, поэтому по праву её выбрали бригадиром. Галинка стала очень симпатичной. Света и Люда тоже похорошели. А Вера, некрасивая от природы, повзрослев, тоже стала чуть симпатичнее.

Особенно красива стала семнадцатилетняя Карина, почти не уступая в красоте Элле. Лёшка улыбнулся, вспомнив, как два года назад они с Серёжкой пугали девчонок на зерносушилке в ночную смену. Завернувшись в простыни, с диким воем, внезапно выскочили из темноты, как привидения. Девчонки с визгом разбежались, кто куда. Карина залезла на сушильную печь высотой пять метров, и боялась оттуда слезать. Лёшке с Серёжкой пришлось потрудиться, снимая её оттуда. Сейчас ему почему-то стало стыдно за тот глупый поступок.

– Карина, извини, что мы с Серёжкой тогда тебя напугали на сушилке, – сказал он.

– Ты помнишь? – удивилась Карина.

– Да, – кивнул он. Еще бы не помнить! Они с Серёжкой так смеялись, что чуть животики не надорвали. – Так ты меня прощаешь?

– Конечно, – кивнула девушка и добавила: – А ты пригласишь меня сегодня в клубе танцевать?

– Приглашу.

Вечером на танцах он пригласил Карину три раза – ровно столько, сколько и других девушек из своей бригады, чтобы ни одна не подумала, что он кому-то уделит меньше внимания. А после танцев Карина попросилась идти домой с Лёшкой. Им было по пути, но она жила чуть дальше, и он не стал возражать.

– Лёша, скажи, я тебе нравлюсь? – кокетливо спросила Карина, когда они вдвоём шли по улице.

– Да, ты стала очень красивая, – искренне ответил Лёшка.

Девушка счастливо улыбнулась.

– Теперь ты будешь танцевать только со мной, да?

– Почему? – удивился Лёшка.

– Я тебе нравлюсь, значит, ты в меня влюблён, – ответила Карина. – И я тебя тоже люблю.

Она прислонилась головой к его плечу. Лёшка на несколько мгновений потерял дар речи от изумления, но, придя в себя, осторожно отстранил девушку:

– Карина, ты очень красивая, но я в тебя не влюблён.

– Это неправда! Если бы не был влюблён, то не говорил бы, что я красивая, что я тебе нравлюсь, и не стал бы извиняться за то, что давно прошло!

– Я в тебя не влюблён! – Лёшка разозлился. – Если я говорю, что мне нравится Софи Лорен, что она красивая, это же не значит, что я в неё влюблён! Так?

– Не так! Это совсем другое! – не согласилась Карина.

Они остановились возле дома Лёшкиной бабушки.

– Это то же самое, – ответил Лёшка и пошёл в дом.

– Алёша, ты обещал проводить меня! – крикнула вслед Карина.

– Нет, не обещал, – ответил он и закрыл за собой дверь.

На следующий день на работе Лёшка снова встретился с Кариной. Он не сомневался, что она смертельно обиделась за его пренебрежение, но девушка подошла, как ни в чём ни бывало, и улыбнулась:

– Привет.

Лёшка решил, что она поняла, как была неправа, и поэтому хочет замять вчерашний инцидент. Что ж, он не имел ничего против – им еще работать вместе три недели, и ответил:

– Привет.

– Мы идём сегодня на танцы вместе, да, Лёша? – спросила Карина.

– Я сегодня не пойду на танцы. По телевизору кино интересное будет, – ответил Лёшка.

– Но как же так? Мы вчера договорились, что вместе пойдём на танцы, когда ты меня домой провожал, и ты обещал, что будешь танцевать только со мной! – воскликнула Карина.

– Что!? – изумился Лёшка. – Я тебя не провожал! И ничего такого не говорил!

– Нет, говорил! Моя сестра Ирка всё слышала, может подтвердить!

Ирина, младшая сестра Карины, возникла, как по волшебству из-за копны сена и объявила всей бригаде:

– Да, я всё слышала, он говорил!

Лёшка взглянул на девушек – как они реагируют на это заявление. Люда и Света сочувствующе смотрели на Карину. А Галя и Вера – таким же взглядом – на Лёшку.

– Дурдом какой-то! – выругался он, взял грабли и зашагал на самый дальний край луга.

Он встал спиной к девушкам и принялся яростно ворошить сено. Если кто-нибудь окликал его, предлагал воды, или отдохнуть, Лёшка не оборачивался. Но вот рядом оказалась Галя. Размеренно работая граблями, она сказала:

– Да не обращай на Каринку внимания.

– Я на самом деле ничего ей не обещал! Ты мне тоже не веришь, как Люда и Света?

– Почему же, верю, – ответила Галя. – Я слышала вчера ваш разговор с Каринкой.

– Галя, может, ты объяснишь ей, что я не люблю её, – попросил Лёшка.

– Ничего нельзя объяснить человеку, у которого опилки вместо мозгов, – Галя выразительно постучала кулаком по лбу, и посоветовала: – А ты скажи ей, что у тебя в городе девчонка есть, она и отвяжется.

– Сомневаюсь, – вздохнул Лёшка. – Да и нет у меня в городе никакой девчонки.

Почему-то он не хотел говорить об Элле ни Гале, ни Карине, ни кому бы то ни было в Моломе. Не хотел, чтобы Элла становилась объектом их любопытства, зависти или сплетен.

Галя недоверчиво взглянула на Лёшку и понимающе улыбнулась.

– Тогда скажи Каринке, что дружишь со мной. Ну, чтобы она отвязалась. А я не буду на тебя претендовать.

– Галя, спасибо, что хочешь помочь, но постараюсь сам справиться.

– Ну, как знаешь, – пожала плечами Галя. – Только учти, если Каринка что втемяшит в себе в голову, оттуда это ничем не вышибешь, пока она не добьётся того, чего хочет.

Галя оказалась права: Карина была прилипчивей банного листа, и отравляла Лёшке жизнь всё время, пока он жил в Моломе. Он просто не знал уже, как от неё избавиться. И впервые с радостью уехал, когда пришло время поступать в институт.

*

Лёшка всё-таки поехал поступать в Московский станкоинструментальный институт, несмотря на то, что не хотелось уезжать из Кирова. Но Элла и родители уговорили. К тому же у

Павла Кузьмича в Москве жил родной брат, который с радостью согласился пустить Лёшку на квартиру на время учёбы. Он хотел бы жить в общежитии, но от щедрого предложения дяди не смог отказаться.

Лёшка поступил в МСИ на машиностроительный факультет, на специальность «Технология машиностроения». Дядя Анатолий Кузьмич и его жена Ольга Петровна приняли племянника очень хорошо, и сразу полюбили, как сына, так как своих детей у них не было.

Они жили в трёхкомнатной квартире сталинской постройки, доставшейся Ольге Петровне от родителей, и Лёшке выделили в полное распоряжение целую комнату, небольшую, но светлую и уютную, с прекрасным видом из окна.

В Москве Лёшке понравилось. Приехав домой после вступительных экзаменов, он сразу побежал к Элле и рассказал все новости.

– Так у твоего дяди трёхкомнатная квартира? – обрадовано спросила она, забыв даже поздравить Лёшку с успешным поступлением в институт. – И они живут в ней вдвоём?

– Нет. Втроём. Теперь еще я живу, – улыбнулся Лёшка.

– Вот у них и поселимся, когда поженимся! – воскликнула Элла.

– Ляля, это неудобно!

– Почему неудобно? Ты же сам сказал, что детей у них нет. С нами им будет веселее!

Она говорила так уверенно, словно знала заранее, что Анатолий Кузьмич и Ольга Петровна будут в восторге, когда Лёшка приведет к ним в дом свою жену. Он же сомневался, что им это понравится. Но уверенность Эллы трудно было поколебать.

*

К первому сентября Лёшка вернулся в Москву. Занятия в институте начинались с первого октября, а в сентябре студенты выезжали на традиционную «картошку» в колхозы и совхозы области. Лёшка мог не ездить на сельхозработы, он имел освобождение от физического труда из-за сердечной недостаточности, но не воспользовался этим правом. Считал, что не станет настоящим студентом, если не узнает, что такое студенческая «картошка».

С ребятами из группы он почти не был знаком, так как сдавал экзамены «по эксперименту», то есть всего два, и не с общим потоком. Поэтому успел познакомиться с немногими, и этих ребят в группе не оказалось.

В группе ТМ-11 были две девушки, остальные – парни. Лёшка сразу заметил, что юноши делятся на две группировки, только не понял, по какому принципу. Он попробовал завязать разговор с одними, с другими, но все смотрели отчужденно, и разговаривали неохотно.

Вскоре до него дошло, в чём дело: в одной группировке оказались москвичи, в другой – ребята, приехавшие из городов и сёл Московской области и близлежащих областей. «Деревня» – презрительно называли их москвичи.

А Лёшка не попал ни в ту, ни в другую группировку, так как приехал из такой дали, что и москвичам, и «деревне» казался тундрой нерадиофицированной.

Он всегда был общительным человеком, отчуждение действовало угнетающе, и за один день, проведенный на «картошке», не раз пожалел, что поехал учиться в Москву. Может, ему удалось бы сблизиться с «деревенской» частью группы, но он единственный из всех иногородних жил на квартире, а не в общежитии, и «деревенские» не принимали его за своего.

Студентов поселили в актовом зале колхозной конторы. Девушкам выделили маленькую комнатку, на двери которой висела табличка «Архив», а руководитель группы поселился в кабинете машинистки.

Лёшке досталась кровать у самой двери. Он чувствовал себя неважно после долгой поездки на автобусе, да и настроение испортилось. Было обидно, что его игнорируют лишь за то, что он родился далеко от Москвы. С этой несправедливостью он мириться не собирался. Только пока не знал, что делать. Поэтому лёг на кровать и отвернулся к стене. А ребята затеяли бой подушками.

Вдруг в дверь постучали, и вошли девушки – Эльвира и Светлана. Света держала в руках маленький кассетный магнитофон.

Подушечная война сразу прекратилась.

– Мальчики, – сказала Света, окинув взглядом актовый зал, заставленный кроватями. – Кто может починить магнитофон?

– А что случилось? – спросил Влад, заводила москвичей, юноша небольшого роста, очень подвижный и остроумный.

– Не знаю, – девушка пожала плечами. – Еще утром всё было нормально, а сейчас он не включается. И кассета не достается...

– Давай посмотрю, – тоном знатока произнес Влад.

Света протянула магнитофон Владу. Увидев, что это «Сони», он безнадежно махнул рукой.

– «Сони»? Да его ни одна мастерская не возьмётся ремонтировать. Можешь сразу выбрасывать.

Света беспомощно огляделась, но все ребята лишь пожимали плечами.

Лёшке стало жаль девушку. Он встал и предложил:

– Давай посмотрю, что случилось.

Света взглянула на него с недоверием, и прижала магнитофон к груди.

– А не сломаешь? – спросила с сомнением.

Лёшка пожал плечами и собрался снова лечь.

– Ладно, посмотри, – решила Света.

Лёшка взял магнитофон и подошел к окну, где было светлее. Едва взглянув, понял, что произошло.

– Булавка есть? – спросил он девушек.

– Да, вот, – Света отстегнула булавку с отворота кофточки и протянула Лёшке.

Магнитофон не сломался. Японскую технику вообще трудно сломать. Магнитная лента застряла в лентопротяжном механизме, сработала система защиты, и магнитофон отключился. Лёшка зацепил ленту булавкой и вытащил. Магнитофон заработал.

– Ой, спасибо! – восхищённо воскликнула Света.

– Пожалуйста, – ответил Лёшка. – Это было нетрудно. А кассету выбрось. Она никуда не годится.

Он отдал магнитофон и булавку Свете и пошёл к своей кровати. Девушка остановила:

– А как тебя зовут?

– Алексей.

– А меня – Света. А это Эля. Мы обе москвички. А ты откуда?

– Из Кирова.

– Из того, что в Калужской области? – уточнила Эльвира.

– Нет, из того, что на Вятке.

– А это где? – чуть насмешливо спросил кто-то из парней.

– Отсюда не видно, – ответил Лёшка, не оборачиваясь на голос.

– Лёша, пойдём к нам чай пить, – предложила Эля. – У нас есть вишневое варенье.

Лёшка быстро окинул взглядом комнату и понял, что каждый сейчас хотел бы оказаться на его месте. Но если он согласится, отношения с ребятами от этого лучше не станут, а скорее, только хуже.

– Пойдём, Лёша, у вас, в Кирове, наверное, вишни не растут, – добавила Света.

– А вы, наверное, думаете, Киров в тундре находится, где кроме ягеля, ничего нет, – усмехнулся Лёшка. – Спасибо за приглашение, девочки, но мне не хочется чаю. Может, в следующий раз.

И он снова лёг.

– Ну, как хочешь, – разочарованно проговорила Эля, и девушки ушли.

А к Лёшке подошел Влад и присел на край кровати.

– Послушай, Вятнич, ты где научился ремонтировать «Сони»? – спросил он.

– Я не сделал ничего особенного, – ответил Лёшка. – Просто вытащил застрявшую ленту.

Обычное явление, наши ленты часто застревают в импортных магнитофонах.

– Откуда ты знаешь? – удивился Влад.

– У меня дома такой же, – ответил Лёшка.

– А, – в голосе Влада прозвучала нотка уважения. – А в Москве ты где живёшь?

– У дяди.

– У родного дяди? – уточнил Влад.

– Да, у брата отца, – ответил Лёшка, решив, что однокурсникам незачем знать, что у него неродной отец, и брат отчима фактически ему не родственник.

– Ну, значит, тебя вполне можно считать москвичом, – заключил Влад, и все москвичи тут же окружили Лёшку и стали с ним знакомиться.

– А транзистор можешь починить? – спросил один из москвичей. – Я его сегодня утром на асфальт уронил.

– Давай, посмотрю, – согласился Лёшка.

Парень принес маленький транзисторный радиоприёмник и протянул Лёшке.

За неимением отвертки он разобрал транзистор с помощью перочинного ножика, нашёл отвалившиеся контакты. Паяльника не было, и он просто прикрутил проводки к плате. Собрав приёмник, вернул его хозяину со словами:

– Потом нужно припаять, а то снова отвалятся.

Москвичи шумно восхищались Лёшкиными умениями и искали, что еще можно дать ему починить, но больше неисправных приборов ни у кого не оказалось.

Лёшка, разговаривая с москвичами, исподволь наблюдал за «деревенскими». Те собрались вокруг своего лидера – высокого широкоплечего Тимофея – и о чём-то совещались. Потом они разошлись по кроватям, а Тимофей подошел к Лёшке.

– А у меня часы остановились. Починишь?

В комнате сразу воцарилась тишина. Москвичи смотрели на Лёшку настороженно: откажет или нет? А он подумал, если откажет, москвичи точно примут его в компанию, но настоящим москвичом от этого он не станет, зато станет врагом «деревенским». А если не откажет, будет всё наоборот. Ни тот, ни другой вариант Лёшку не устраивал. Но он всё же сказал:

– Давай, посмотрю, если не боишься, что я их окончательно сломаю. Дома я ремонтировал только будильники.

– А, всё равно выбрасывать, – махнул рукой Тимофей и отдал часы.

Москвичи отошли, и теперь его окружили «деревенские». Когда часы затикали, Тимофей предложил:

– Лёха, а хочешь, мы твою кровать к нам переставим? Чего тебе тут у двери торчать. Мы потеснимся.

– Спасибо, не стоит, мне и здесь неплохо, – отказался Лёшка, твердо решив не примыкать ни к той, ни к другой группировке.

Поздно вечером, когда все уже спали, в темноте к его кровати, как тень, подошёл Влад и сказал тихо:

– Зря ты, Вятнич, стал чинить часы Тимке. Мы тебя приняли, как своего, а ты...

– Что? – Лёшка приподнялся. – Если бы не Светкин магнитофон, вы бы меня приняли? Сомневаюсь. И вообще, мне не нравится разделение на своих и чужих.

– Ну, как знаешь, Вятнич, – сказал Влад и отошёл.

А через минуту к кровати Лёшки скользнула другая тень и тихо заговорила голосом Тимофея:

– Лёш, чего тебе знаясь с этими задранными носы москвичами? Подумаешь, кичатся тем, что родились в столице. А твой город, что, хуже?

– Нет, – ответил Лёшка.

– Ну, а я что говорю! – шёпотом воскликнул Тимофей. – Присоединяйся к нам!

– Никуда я присоединяться не буду! – раздражённо ответил Лёшка. – Ни к вам, ни к ним. Меня тошнит от ваших группировок!

Он встал, накинул куртку и вышел в коридор. Спать расхотелось. Настроение совсем упало.

На старом письменном столе, стоявшем в коридоре, лежала бумага, какие-то ненужные бланки. Там же Лёшка нашел огрызок карандаша. Свет в коридоре не выключали на ночь. Лёшка сел за стол и стал писать письмо Элле.

«Здравствуй, моя Лялечка! Мы расстались с тобой три дня назад, но я уже соскучился по тебе, по родителям, по нашему городу... Здесь всё не так, всё чужое, словно я попал на другую планету. Мне кажется, не выдержу здесь и недели. Может быть, я покажусь тебе маменькиным сыночком, но мне так плохо здесь одному, без тебя, без мамы и отца... Просто не нахожу себе места. Знаешь, я, наверное, вернусь в Киров, еще не поздно перевестись в наш политех. Я понял, что не готов жить вдали от дома. Мне, чтобы чувствовать себя счастливым, постоянно нужно видеть вокруг родные, знакомые лица. А тут все чужие, всё чужое... Как выразить словами то, что сейчас чувствую? Наверное, это ностальгия, тоска по родине... Я так хочу домой, что, кажется, закрою глаза, и окажусь в своей комнате, среди привычных вещей и обстановки. И я закрываю глаза, а когда открываю их, чувствую разочарование...»

Он еще много чего написал, изливая на бумаге свои негативные эмоции. Правда, их причину не объяснил.

В кармане куртки лежала пачка надписанных конвертов с марками, которые перед отъездом в Москву ему дала Элла: «Чтобы ты почаще мне писал». Он запечатал письмо и решил сразу отправить, несмотря на поздний час. Потому что не хотелось возвращаться в комнату.

Опустив письмо в почтовый ящик, висевший на здании деревенской почты, Лёшка вернулся к конторе. Подходя, заметил в актовом зале свет. Почему ребята не спят? Лёшка тихо подошел к окну и встал под открытой форточкой.

– Это из-за тебя Вятч ушёл! – услышал он голос Влада. – Что ты ему наболтал про москвичей? Что они такие-сякие, да? А у него дядя москвич, между прочим!

– Ничего я ему не говорил! – послышался голос Тимофея. – Не понимаю, чего он разозлился.

– Не понимает он, – проворчал Влад. – И что теперь делать?

– Что, что, искать надо, – ответил Тимофей. – Заблудится где-нибудь, пропадёт, а мы будем виноваты. Надо его найти. Пойдём, ребята.

– Мы тоже пойдём, – подхватил Влад.

Лёшка невольно улыбнулся и отошел от окна.

С ребятами, которые пошли его искать, он столкнулся на крыльце конторы.

– Вятч! – воскликнул Влад. – Куда ты пропал?

– Погулять вышел, – ответил Лёшка. – А вы чего всполошились?

– Да так, думали, ты на нас обиделся, – сказал Тимофей.

– Не на нас, а на тебя, идиот, – быстро возразил Влад. – Кто про москвичей пакости всякие говорил?

– Влад, успокойся, ничего он про москвичей не говорил, – поспешил заверить Лёшка, понимая, что лидеры сейчас поссорятся.

– Слышал? – сказал Тимофей. – Это он на тебя обиделся, потому что ты его всё время Вятчем обзываешь! У человека имени, что ли, нет?

– Да успокойтесь вы, оба! – Лёшка встал между готовыми сцепиться парнями. – Ни на кого я не обиделся! Вятич, я и есть Вятич, и горжусь этим! Но не настолько, чтобы презирать тех, кто родился в другом месте!

Он поднялся на крыльцо и скрылся в доме. Ребята пошли следом.

Они еще не успели лечь, когда в зал заглянул руководитель группы, разбуженный шумом.

– Что у вас тут происходит?

– Ничего, – быстро ответил Лёшка. – Мы пошли в туалет, и немного перепутали очередь, вот и повздорили.

– В туалет? Всей командой? – удивился руководитель.

– Ну да, – ответил Лёшка. – Пицца здесь вкусная, но непривычная.

Куратор ушёл спать, а ребята зажимали рты, чтобы не расхохотаться во весь голос. Лёшка улыбался и думал, что, возможно, удастся сломать стену между группировками.

*

Элла, получив от Лёшки письмо, рассердилась и тут же написала ответ: «Лёлик, пожалуйста, не сходи с ума! Если уедешь из Москвы, я на тебя обижусь! Не будь нытиком, потерпи! Уверю тебя, на новом месте всегда сначала непривычно, не нравится, и хочется домой. Но ты очень скоро привыкнешь, я в этом уверена. Лёшка, прошу тебя, не торопись с решением. Ты освоишься, и уже не будет тянуть домой, надо только немного потерпеть. Вот увидишь, тебе из Москвы уезжать не захочется! Я тоже по тебе очень скучаю, но не бросаю же всё и не еду к тебе. Не забывай, мы ведь решили, что когда я закончу техникум, мы поженимся, и будем жить у твоего дяди в Москве...» – и так далее, и тому подобное на шести страницах.

Когда он получил это сердитое послание, отношения в группе уже изменились к лучшему. Лёшка, держась в стороне от группировок, незаметно подталкивал их друг к другу. Очень быстро он завоевал авторитет, как у москвичей, так и у «деревни», и не только тем, что умел чинить магнитофоны и часы. Все ссоры и споры Лёшке удавалось разрешать так удачно, что обиженных обычно не оставалось. Настроение улучшилось, и, Элла оказалась права, теперь его уже не так сильно тянуло домой.

Роль буфера между лидерами группировок Лёшку не устраивала. Влад и Тимофей, оба прирожденные лидеры, не могли терпеть превосходства одного над другим. Еще на вступительных экзаменах они поссорились, потому и враждовали, собрав вокруг себя группировки из тех, кто им был ближе по духу, поэтому в одной группировке оказались москвичи, а в другой – приезжие. Лёшка решил, что надо подружить лидеров, и тогда группировки исчезнут сами собой.

Сближение лидеров давалось нелегко. Постоянно приходилось искать, а порой придумывать ситуации, в которых Владу и Тимофею нужно действовать вместе. Однажды после очередной ссоры Лёшка пытался их помирить, но не удалось. Он обозвал их упрямыми осликами, развернулся и пошёл через речку по узкому пешеходному мостику, у которого не хватало перил. Речка была неширокая, но глубокая. На самой середине моста Лёшка запнулся. Сразу возник план, как помирить ребят, и он дал себе упасть в воду, закричав, что не умеет плавать, и сейчас утонет. Влад и Тимофей бросились его спасать, и, действуя вместе, помирились.

В другой раз, когда ходили по грибы в ближайший лесок, Лёшка нарочно увел Влада подальше от ребят, потихоньку сбежал от него, нашёл Тимофея и, сделав испуганные глаза, сообщил, что где-то потерял Влада. Тимофей с такой скоростью бросился на поиски соперника, что Лёшка понял, в конце концов, они подружатся.

В скором времени ребята уже не представляли свой коллектив без Вятича.

С «картошки» группа приехала подружившейся, и Лёшкины письма Элле приобрели оптимистичный тон. Она этому очень радовалась, и в каждом письме писала, что не может дождаться, когда же они пожениются. Лёшке тоже очень хотелось поскорее сыграть свадьбу, но его смущал вопрос, где они будут жить? Элла почему-то считала этот вопрос решенным. Когда

Лёшка после зимней сессии приехал на каникулы, она подробно расспросила, какая у него комната, а когда он рассказал, принялась планировать, какую они купят мебель, торшер, ковёр и палас, куда поставят телевизор и диван.

– Ляля, милая, пойми, я не могу прийти к дяде и сказать ему: «Анатолий Кузьмич, мы с женой решили жить у вас». Это неприлично, – заявил Лёшка.

– Ничего неприличного в этом нет, – возразила Элла. – Мы же будем платить им за квартиру. А когда они умрут, вся квартира останется нам! Квартира в Москве, Лёшка, представляешь?!

Голос Эллы звенел от восторга, когда она это говорила, и если бы Лёшка не знал Элли так хорошо, как он её знал, то подумал бы, что она желает скорейшей смерти Лёшкиным дяде и тете.

– Элла, я так не могу, – слабо, но сопротивлялся он. – Я не могу просить дядю пустить на квартиру нас обоих.

– Лёлик, но я же не заставляю тебя говорить об этом завтра, – сказала Элла. – До нашей свадьбы еще далеко, успеешь сказать. Вот увидишь, они очень обрадуются. Ты сам говорил, как дядя и тётя любят тебя.

*

Каникулы закончились, Лёшка вернулся в Москву. До желанного момента – свадьбы с Эллой – оставалось полтора года, но её предложение жить после свадьбы у дяди не давало покоя уже сейчас. Он был уверен, что никогда не сможет попросить дядю и тётю прописать в квартиру еще и Элли. Лёшка предполагал, что они, скорее всего, не откажут, но подозревал, что не придут в восторг. Они привыкли жить тихо, спокойно, уединенно, и он считал, что не вправе ломать привычный распорядок жизни дяди и тети. А Элла любит принимать гостей, танцы и громкую музыку. А когда появится ребёнок?..

Эти мысли отравляли Лёшке жизнь, но в остальном всё было здорово. Учёба давалась легко, он успевал помогать делать курсовые работы половине группы, и еще оставалось много свободного времени. Лёшка тратил его на прогулки по Москве, на осмотр достопримечательностей, которых, казалось, хватит на все пять лет; на походы с друзьями в кино, театры, вернисажи. Он научился водить дядину машину и сдал на права; не пропускал студенческих вечеринок и дискотек, а когда узнал о существовании в институте студенческого Клуба Интернациональной Песни и Танца, сразу туда записался.

Эльвира тоже записалась. Они вместе приходили на занятия клуба, проходившие в кафе студенческого городка каждый четверг, а потом вместе шли домой, так как им было по пути.

Девушка и на лекциях старалась сесть рядом с Лёшкой. Он к ней так привык, что занимал место рядом с собой, если она почему-либо запаздывала. В институте их постоянно видели вместе. Поэтому все решили, что Лёшка и Эля дружат. Да так оно и было. Лёшке нравилось дружить с Элей, и она нравилась ему, как друг.

Эля же не сомневалась, что Лёшка в неё влюблён. Каждый четверг, когда он провожал её до дома после занятий клуба, которые зачастую заканчивались за полночь, она ждала, что он признается в любви. Но он, проведив её до подъезда, как всегда, по-дружески чмокал в щечку, говорил: «До завтра», и убежал.

Однажды она остановила его.

– Лёша, подожди!

– Что? – он обернулся.

– Лёша, ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила Эля с застенчиво-таинственной улыбкой на губах – надоело ждать, и она решила немного подтолкнуть его к признанию.

– Ничего, – ответил он и заметил, как разочарованно вытянулось лицо девушки.

И вдруг понял, каких слов она от него ждёт.

– Элочка, мы же друзья, правда? – спросил он после недолгого молчания.

– Друзья, – она усмехнулась. – А я-то думала, нравлюсь тебе, только ты стесняешься сказать.

– Эля... – Лёшка замялся, подбирая слова. – Ты очень красивая и очень хорошая девушка, ты мне нравишься, но...

– Но недостаточно хороша для тебя, да? – прервала она его. – Зачем ты тогда всё время ходишь со мной, зачем провожаешь?

– Но... ты сама всё время со мной ходишь! – возразил Лёшка. – А провожаю тебя потому, что не могу позволить девушке возвращаться домой одной в двенадцать ночи! Извини, может, я делал что-то не так, но я не хотел тебя обидеть. Мы можем быть только друзьями...

– Друзьями? Премного благодарна! Спасибо за честь! – резко сказала Эльвира и повернулась, чтобы уйти.

– Эля, постой, я всё объясню, – он попробовал удержать её, но она сказала:

– Ты просто подлец! – и скрылась в подъезде.

Лёшка постоял немного и пошёл домой, чувствуя себя почему-то виноватым, прекрасно понимая, что ни в чём не виноват. Ему всегда казалось, что он ведёт себя правильно: не слишком сторонится девушек, но и не слишком сближается. Он был уверен, что не давал Эльвире повода считать, что он в неё влюблен. Неужели простого уважительного отношения, элементарной вежливости и доброжелательности достаточно для того, чтобы девушка решила, что парень в неё влюбился? Как же тогда себя вести?..

Утром перед лекциями Лёшка сразу понял, что отношение девушек в группе к нему резко изменилось. Эля даже не взглянула на него, и выглядела обиженной и оскорбленной, а Света посмотрела осуждающе и не ответила на приветствие. Обе сели от него подальше.

А на перемене к Лёшке подошла Марина, студентка из параллельной группы:

– Ты порвал с Элькой? Ну и правильно, она такая задавала. Может, пригласишь меня в кино?

– Мои отношения с Эльвирой никого не касаются, – ответил Лёшка не слишком вежливо. – А напрашиваться на приглашение неприлично.

Марина обиженно отошла. Лёшка почему-то почувствовал себя так плохо, что не смог записывать лекцию, и вынужден был уйти домой.

Он не пошёл в институт и на следующий день, хотя чувствовал себя нормально. Просто не представлял, как теперь появится на лекциях. Если бы на самом деле был в чём-то виноват. Но быть без вины виноватым... Он чувствовал себя так, словно осуждён за преступление, которого не совершал.

Вечером его пришли навестить ребята – Влад и Тимофей, которые благодаря стараниям Лёшки стали неразлучными друзьями.

– А ты, значит, болеешь? – спросил Влад.

– Да нет... уже нет, – ответил он. – Завтра, наверное, приду на лекции.

– А с Элькой ты, что, поссорился? – спросил Тимофей, которому Эльвира безумно нравилась. – Ты из-за неё вчера с лекций ушёл?

– Нет, мне просто стало плохо. Ребята, вы что, на самом деле думаете, что я и Эльвира влюблены?

– А что, разве нет? – удивился Влад. – Элька сама говорила, что ты от неё без ума.

– А я говорил? – раздражённо спросил Лёшка.

– Нет, – ответил Влад.

– Так, значит, ты её не любишь? – спросил Тимофей.

– Нет.

– Почему? – удивился Тимофей. Он был уверен, что Эльвиру нельзя не любить. – Ты что, этот самый... голубой, что ли?

– Ты с дуба не рухнул? Просто у меня есть девушка дома, неужели трудно понять?

- А-а, – протянул Тимка и добавил радостно: – Значит, Элька свободна?
- Абсолютно, – кивнул Лёшка.

Пока он разговаривал с Тимофеем, Влад, не умеющий ни минуты сидеть на месте, обошел всю комнату, потрогал все, что мог, и теперь перебирал вещи на Лёшкином столе: магнитофон, календарь, тетради, книги. Подняв одну из тетрадок, он увидел под стеклом фотографию Эллы.

- О! Какая красавица! – восхитился он. – Артистка? А почему я не знаю?
- Это не артистка, – улыбнулся Лёшка. – Это Элла, моя невеста.

Влад восхищённо присвистнул:

- У вас в Кирове все девушки такие красивые?
- Да. Но Элла самая красивая.

– Тим, иди, посмотри, – Влад обернулся к Тимофею. – Да разве нужна Лёшке какая-то Эльвира, если у него такая потрясающая невеста?.. Вятч, как же ты решился оставить её там одну? Смотри, в два счёта уведут.

- Не уведут, – уверенно ответил Лёшка.

На следующий день он пришёл на лекции.

- Привет, – сказала Эльвира и села рядом.

– Привет, – настороженно ответил Лёшка, удивленный резкой переменой её отношения к нему.

- Нам надо поговорить, – продолжила Эльвира. – Выйдем?

Уже прозвенел первый звонок, но они успели выйти за секунду до того, как в аудиторию вошёл преподаватель.

В коридоре никого не было, и они остановились у окна.

– Ты извини меня, Лёша, – сказала Эльвира, опустив глаза. – Я погорячилась. Приняла желаемое за действительное. Ты не давал повода думать, что влюблен в меня. Извини, я не знала, что у тебя есть девушка.

– Не надо извиняться, ты ни в чём не виновата, – ответил он. – Я сам виноват. Надо было сразу сказать, что у меня есть девушка. Но как-то случая не представлялось.

- А твоя девушка... она красивая?
- Очень.
- Красивее меня?

«Ты прекрасна, спору нет, только Элла все ж милее, все ж румяней и белее», – подумал Лёшка и ответил дипломатично:

- Такая же красивая, как ты.
- Она учится в нашем институте?
- Нет, она живёт в Кирове.

– Знаешь, давай забудем это недоразумение, – сказала Эля повеселевшим тоном. – Но... всё же помни, что я люблю тебя, и буду всегда надеяться, что когда-нибудь ты ответишь взаимностью.

– Элечка... не надо надеяться понапрасну. Элла моя невеста, и когда я окончу второй курс, а она – техникум, мы поженимся.

– Как у вас далеко спланировано, – усмехнулась Эльвира. – До вашей свадьбы больше года, всё еще может измениться...

- Да, может измениться всё, но не наши с Эллой отношения.

– Я бы не была так уверена. Если ваша свадьба по какой-то причине не состоится, помни, что я тебя люблю и жду. И буду ждать всегда.

- Эля, не надо... – начал Лёшка, но Эльвира улыбнулась, и закрыла ему губы ладонью.
- Я так хочу.

В перерыве между лекциями они вернулись в аудиторию и, как ни в чём ни бывало, сели рядом. Со стороны это выглядело, будто поссорившиеся влюблённые помирились. Лёшка

решил, это к лучшему: по крайней мере, никто уже не станет приставать с предложениями пригласить в кино.

Время летело быстро, наступила весна, а вместе с ней и «Студенческая весна-81» – конкурс студенческой художественной самодеятельности, в котором Лёшка принимал активное участие – танцевал, пел, исполнял соло на гитаре.

А потом настало самое горячее, трудное и весёлое время в жизни студентов – летняя сессия.

Возможно, оттого, что Лёшка был всё время занят, он стал реже болеть, и практически забыл о своей сердечной недостаточности. Жизнь в Москве была интересной и насыщенной.

*

А Элла дома очень скучала. Учиться в техникуме не нравилось, и она с нетерпением ждала, когда пройдут два года, и она сможет уехать в Москву к Лёшке.

Первые полгода Элла героически сидела дома, не ходила ни на танцы, ни на свидания, ни в кино, хотя приглашения сыпались, как из рога изобилия. Она не принимала приглашений даже Стаса Шихова. Учился он, или работал, Элла не знала, но он неизменно встречал её после занятий в техникуме, и провожал до дома, просто как друг.

Стасу исполнилось восемнадцать, но в армию он не ушёл, и сказал, что и не пойдёт, у него какая-то бронь. Элла была рада, что рядом есть друг. С девушками в группе она не сошлась, а парней в техникуме по её специальности – раз, два, и обчёлся. И такие, что без слёз не взглянешь.

Элле нравилось, что со Стасом можно поговорить обо всем, что её интересовало: и о Москве, и о Лёшке. Вечерами она никуда не ходила, и для развлечения Стас приносил книги, главным образом, такие, которые невозможно купить в магазине или взять в библиотеке. Элла читала их не от любви к чтению, а потому, что книги дефицитные, и потому, что надо же чем-то занимать свободное время. Книги были весьма интересные, в них почти открытым текстом описывались такие интимные сцены, что она краснела, даже сидя в комнате наедине с книгой.

Если бы не Стас, Элла умерла бы со скуки.

Самым счастливым временем была неделя в феврале, когда Лёшка приехал на каникулы после зимней сессии. Иногда он приезжал и раньше, но это были короткие встречи: утром он приезжал, а вечером, или следующим утром отправлялся обратно в Москву. Но на каникулах они с утра до позднего вечера проводили время вместе, ходили в кино, на танцы, гуляли по городу, или просто сидели дома, и Элла слушала Лёшкины рассказы о Москве. Он рассказывал так ярко и красочно, что ей казалось, будто сама там побывала. А как ей хотелось поскорее поселиться в столице!..

– Лёш, тебе нравится в Москве? – каждые пять минут спрашивала Элла.

– Да, – отвечал он. – Но дома нравится больше.

– Ой, ну что тебе тут может нравиться! – раздражалась она.

– В большом городе люди меньше обращают внимания друг на друга, – пояснял Лёшка.

– Все спешат, шум, суета. А у нас тихо, спокойно, неторопливо.

– А я терпеть не могу тишину!

Когда каникулы закончились, Лёшка уехал в Москву. А Элле так не хотелось сидеть дома и ждать следующих каникул! Поэтому, когда Стас в очередной раз пригласил на дискотеку, она, наконец, согласилась.

– Ладно, пойдём. Но не думай ничего такого, – предупредила Элла. – Я всё равно всегда буду любить только Лёшку. Просто мне очень хочется потанцевать.

«Что такого, если я разок схожу со Стасом на танцы, – подумала она. – Лёшка там, в Москве, тоже не сидит всё время дома. Он ходит по четвергам в танцевальный клуб, сам о нём рассказывал».

Элла думала, что ходит на дискотеку один раз, но когда Стас пригласил её в следующую субботу на танцы, она снова пошла. И в следующую субботу тоже. И так каждую субботу, пока Лёшка не приехал на летние каникулы.

Друзья, конечно, сразу доложили, что Элла постоянно ходила на танцы со Стасом. Но он не обиделся. Потому что не сомневался, что любит она только его. Ну, а танцы... надо же ей с кем-то танцевать, пока он в Москве. Стас – просто друг Эллы, как Эльвира – друг Лёшки.

Элла, как только Лёшка приехал на летние каникулы, заявила Стасу:

– Ты больше ко мне не ходи и книжек не носи.

– Но мы останемся друзьями? – поинтересовался тот.

– Конечно, – легко согласилась Элла. – Встретимся в сентябре. Пока!

И Стас безропотно исчез до осени. Элла не вспоминала о нём все лето. Потому что рядом был Лёшка.

ГЛАВА 5. В ПОИСКАХ ПРИЗВАНИЯ И ЛЮБВИ

Июль 1980 – май 1981 гг.

Остаток лета Маша провела, работая в совхозе на сенокосе и на уборке зерновых. Все еще не решив, куда поступить учиться, в конце августа устроилась техслужашей в Золотавинскую начальную школу, которую заканчивала сама, и в которой работала учительницей её мама Ирина Борисовна. Мама хотела, чтобы Маша поступила в пединститут, но она не чувствовала особой тяги к преподаванию, а в школу пошла работать, чтобы поближе присмотреться к труду учителей, и окончательно решить, хочет стать учительницей или нет.

Поработав четыре месяца, она поняла, что не хочет. К тому же в школе у техслужашей было так мало работы, что Маша большую часть дня не знала, чем заняться.

В декабре она сказала маме:

– Надоело мне быть техничкой. Там и на полставки делать нечего. Хочется настоящей работы. А то даже стыдно зарплату получать.

– Настоящей работы захотела? – усмехнулась мама. – Иди на ферму, дояркой.

– И пойду.

В январе Маша уволилась из школы. На ферму тоже не очень-то хотелось, но другой работы в деревне не было, а ходить в село каждый день туда и обратно за семь лет учёбы в школе надоело.

Таня устроилась в деревенский медпункт санитаркой, где её мама работала фельдшером, чтобы на будущий год поступать в медицинское училище. Лена стала секретаршей в райкоме комсомола в Лебяжем. Оля поступила заочно в торговый техникум в Котельниче, а её мама, заведующая одним из двух промтоварных магазинов райцентра, устроила дочку к себе в магазин младшим продавцом.

Многие одноклассники Маши уехали учиться. Кто в Советск, кто в Котельнич, кто в Киров, в училища и техникумы. В институт поступили только двое из класса: Тимур Сураев в сельхоз и Марина Макеева в педагогический. Несколько ребят осенью ушли в армию, в том числе Володя Рукавишников. Максим Широков собирался уходить весной, а пока работал в совхозе трактористом. Лёшка Кочергин поступил в авиационный техникум в Кирове.

Маша твёрдо решила обязательно поступить в институт, но пока не решила, в какой. На пединституте уже поставила крест. В сельскохозяйственный не хотела, так как работа ветеринара или агронома её не привлекала. В медицинский – даже не мечтала, потому что не представляла себя врачом. В экономический точно не поступить, да и перспектива всю жизнь сидеть в какой-нибудь бухгалтерии и перебирать бумажки не очень-то обнадеживала. Оставался политехнический – но там все специальности мужские...

Работать дояркой Маше не нравилось. Она быстро научилась доить коров доильными аппаратами, но они часто ломались. Механика, чтобы пришёл и починил, невозможно было дожидаться, Маше пришлось самой научиться ремонтировать их, и ей нравилось делать это. А дома она уже давно сама чинила утюг, электроплитку, швейную машинку и велосипед, меняла розетки и выключатели. Не то, чтобы Машу очень тянуло к технике, она просто была вынуждена ею заниматься, когда пять лет назад не стало отца. Потому что мама боялась даже перегоревшую лампочку заменить. А нанимать каждый раз соседа накладно. За каждую, даже совсем несложную работу он требовал бутылку водки, а то и две. Вот Маше и пришлось взять ремонт домашней техники в свои руки. У неё получалось, а ей нравилось делать то, что у неё получается.

Однажды мама, глядя, как дочь уверенно разбирает перегоревший утюг, предложила:

– Маш, а почему бы тебе не поступить в политехнический? У тебя определенно есть способности к технике. Поступишь на машиностроительный факультет, а когда выучишься, станешь конструктором.

Маша сразу сообразила, что конструкторами работают как мужчины, так и женщины. Она представила себя в большом светлом помещении, заполненном рядами кульманов, и за одним из них – себя. Это конструкторский отдел большого завода, такой она видела в каком-то кино... А за соседним кульманом – Лёшка Морозов, они работают вместе. Вот он поворачивает голову и улыбается Маше...

– Решено! – она энергично кивнула. – Буду поступать в политех.

И начала готовиться: повторяла физику, математику, решала задачи из учебника для поступающих в ВУЗы.

По субботам Маша с подругами обычно ходила на танцы в село, в Дом культуры. Она уже не простаивала у стены целые вечера, но её общение с юношами обычно заканчивалось после двух-трёх танцев, реже после двух-трёх вечеров. Она ничуть не жалела: ни один из приглашавших её на танцах парней ей не нравился. А Таня очень переживала за подругу, и всё пыталась с кем-нибудь познакомить или свести.

Однажды девушки возвращались с танцев одни: Ленкин Володя служил в армии, Оля и Лёшка в очередной раз поссорились, Танькин Максим заболел и на танцы не пришёл, а Машино новое знакомство закончилось, едва начавшись.

– Машка, я поняла, почему все парни после двух-трёх танцев больше не хотят с тобой общаться, – сказала Таня.

– Почему? – любопытствовала Маша.

– Скажи, ты хотя бы раз целовалась с парнем? – вместо ответа спросила подруга.

– Кроме «Лёшки Морозова», разумеется, – съязвила Оля.

– Нет.

– Вот! – торжествуя провозгласила Таня. – Ты ведёшь себя слишком скованно! Не позволяешь ни обнять себя, ни поцеловать, а парням это не очень-то нравится.

– С какой стати я буду целоваться с малознакомым человеком?! – возмутилась Маша.

– А разве тебе самой не хочется? – удивилась Лена.

– Нисколько.

– А мне очень нравится целоваться с Лёшкой, – сказала Оля и вздохнула – по причине ссоры с Олей Кочергин не приехал домой на выходные.

– Так то с Лёшкой, – усмехнулась Маша. – Ты его с четвёртого класса знаешь. Если бы он дружил со мной, я, может, тоже целовалась бы с ним.

Оля бросила косой ревнивый взгляд на Машу, и та добавила:

– Но он дружит с тобой. И вы обязательно помиритесь.

– А ты найдёшь себе парня, какой нам и не снился, – сказала Оля, очевидно, опять намекая на «Лёшку Морозова».

В глубине души Маша понимала, что не может найти себе парня именно из-за него – идеала, который создала в четырнадцать лет. Нет, она и не надеялась найти такого идеального парня, но всё же хотелось, чтобы он, пусть отдаленно, напоминал Лёшку. Увы, ни один из тех, с кем она знакомилась на танцах, по «шкале Лёшки Морозова» не тянул даже на троечку. Ну, а те, кого Маша оценивала на «хорошо», например, Максим Широков, Лёшка Кочергин, Володя Рукавишников – уже заняты.

Лена ждала Володю из армии, поэтому на танцах позволяла себя пригласить два-три раза, и только знакомым парням, и чуть не каждый день писала Володе письма. Максим и Таня дружили, и все вокруг считали, что у них любовь. И если Оля с Лёшкой поссорились и помирились по два раза за вечер, то у Тани с Максимом всё шло гладко. Они встречались, ходили на танцы, в кино. Если Маше не удавалось отнекаться, она ходила вместе с ними. Хотя ей не нравилось

чувствовать себя третьей лишней. Но Таня, и, как ни странно, Максим, настаивали, чтобы она ходила с ними.

– Я тебя знаю, – говорила Таня. – Одна ты вообще никуда ходить не будешь, так и просидишь дома всю молодость, и никогда не найдёшь себе парня.

– Танюша совершенно права, – подхватывал Максим, и Маше нечего было возразить.

*

На вечер, посвященный двадцать третьему февраля, Маша, Таня и Максим, как всегда, собирались пойти втроем. Но Таня пойти не смогла: за три дня до мероприятия случился приступ аппендицита, и она лежала в больнице после операции.

Когда Маша пришла навестить подругу, та сказала:

– Маша, поручаю тебе Максима на двадцать третье февраля. Если, конечно, у тебя нет других планов.

– Планов нет, – ответила Маша и добавила шутливо: – А ты не боишься отпускать Макса со мной? Вдруг я его уведу?

– Пусть лучше Макс будет с тобой, чем на него начнут вешаться другие девчонки, – сказала Таня. – А так я буду за него совершенно спокойна. Ты не позволишь себе отбить парня у подруги.

– Откуда ты знаешь, – лукаво улыбнулась Маша. – Максим нравился мне в школе.

– Если бы ты хотела его отбить, давно попыталась бы.

– Ты права. Я верну его тебе в целостности и сохранности, упакованного и перевязанного ленточкой.

Максима Таня тоже предупредила, то есть поручила ему свою подругу, и он зашёл за Машей за час до начала вечера.

– Макс, ты можешь танцевать, с кем хочешь, – сразу предложила она, когда они пришли в Дом Культуры. – Я возражать не буду и Таньке не наядбедничаю.

Но Максим весь вечер провёл с Машей, и, как всегда, был вежлив и внимателен, и танцевал только с ней.

Правда, к концу вечера он куда-то исчез. Вышел покурить с ребятами и не вернулся. Маша решила бы, что просто надоела своему спутнику, и он ушёл домой, если бы это был не Максим. Он в принципе не мог так поступить, и Маша забеспокоилась. Тщетно прождав минут двадцать, она оделась и отправилась искать Макса на улице.

Обнаружила его за углом здания Дома Культуры, в сугробе под пожарной лестницей.

– Макс! – Маша подбежала к нему. – Ты что тут делаешь?

– Да вот... – ответил он. – Ногу подвернул. Не могу идти.

– Давай помогу, – она протянула руку и помогла парню подняться. – Обопрись на меня.

Маша отвела Максима в больницу и ждала в приёмном покое, пока дежурный врач осматривал его ногу.

– Придётся вам, молодой человек, остаться здесь, – сказал врач. – Возможен перелом, нужно сделать рентген, а он будет работать только завтра.

– Тогда я пойду домой, – сказала Маша.

– Извини, проводить не могу, – виновато проговорил Максим. – Как ты пойдёшь одна?

– Ничего, не впервой, – усмехнулась Маша и добавила: – Не беспокойся, я уйду домой с Ленкой. Пока.

– До свидания, Маша.

Выходя из приёмного покоя, она оглянулась и увидела, как Максим смотрит ей вслед.

На следующий день после работы она пришла к Тане в больницу, чтобы рассказать, что случилось вчера. Но Таня не дала ей и рта раскрыть.

– Машенька, я всё знаю! – воскликнула она, едва Маша начала говорить про вечер. – Максим был у меня вчера!

– Как? Он же подвернул ногу!

– Да нет же!.. А, в общем, расскажу по порядку. Он появился ко мне в палату где-то часов в одиннадцать вечера. Я еще не спала, и чуть с кровати не упала от удивления. Откуда он мог взяться, если должен быть с тобой в ДК, да и посетителей в больницу не пускают так поздно. Но я вдруг заметила, что Макс в больничной пижаме и немного прихрамывает. Конечно, испугалась: что случилось? А он сказал: «Не волнуйся, Танечка, мне просто очень захотелось тебя увидеть, мне это было необходимо, и я специально подвернул ногу, чтобы сюда попасть. Ничего страшного, завтра рентген сделают, и домой отпустят». Мы ушли в перевязочную и целовались там всю ночь. Машка, это было здорово! Так приятно, когда твой парень готов на всё ради того, чтобы увидеться с тобой! Кстати, никакого перелома или вывиха у него не оказалось, просто небольшое растяжение, и в понедельник к обеду его уже выписали... Ой, Машка, я такая счастливая!

Маша была рада за Таню, но с этого дня наотрез отказывалась ходить с ними, куда бы они её ни приглашали. После Таниного рассказа почувствовала себя бедной родственницей в их обществе.

А однажды, в субботу, Таня пришла к Маше и спросила:

– Пойдёшь сегодня на танцы?

– Нет. Я только с работы, устала.

– Но сегодня ты обязательно должна пойти! – сказала Таня тоном, не допускающим возражений.

– Должна? Почему? – удивилась Маша.

– Потому что ты уже больше месяца никуда не ходишь! Ты была на танцах в последний раз двадцать третьего февраля, и даже на Восьмое Марта не ходила! – возмутилась Таня.

– Восьмого марта я работала во вторую смену, – напомнила Маша.

– Да, знаю, специально подменилась, чтобы на вечер не идти, – проворчала Таня.

– Не специально, а попросили.

– А ты будто не могла отказать. Так сходи хотя бы сегодня. А то у меня уже все спрашивают, куда ты пропала.

– Ой, так уж и спрашивают. А, понятно, ты опять хочешь меня с кем-то свести.

– Ну... в общем... ты почти угадала, – замялась Таня.

– Нет, Танечка, с меня хватит. Не хочу я больше ни с кем знакомиться.

– Не знакомиться, Маша. Ты его давно знаешь.

– Да? И кто это?

– Это... Максим, – помявшись немного, проговорила Таня.

– Максим?! Но он же твой парень!

– Уже нет, – Таня развела руками. – То есть мы, конечно, остались друзьями, но не в том смысле... ну ты понимаешь.

– А мне казалось, у вас любовь, – пробормотала Маша.

– Вот именно, казалось, – грустно усмехнулась подруга. – Да ты не переживай, Маша.

Мы расстались мирно, без скандала.

– Но почему?

– Потому что Максим понял, что ему нравишься ты. Ты, а не я.

– Так что же, выходит, я всё-таки виновата в том, что вы расстались?

– Нет-нет-нет, – быстро возразила Таня. – Ты ни в чём не виновата. Просто Максим понял, что ты всегда ему нравилась. Еще со школы.

Маша вспомнила выпускной бал и проговорила насмешливо:

– Ну да, как же, всегда нравилась. Именно поэтому на выпускном он всё время танцевал с тобой. А мне уделил один-единственный танец. И то, признайся честно, это ты попросила его пригласить меня, заметив, что я весь вечер подпираю стенку.

– Да нет же, Маша, – возразила Таня. – Он сам, честное слово! Я просто сказала, что устала и хочу отдохнуть, а он спросил, можно ли пригласить тебя. Я сказала, что, конечно, можно. Так всё и было.

Маша недоверчиво взглянула на подругу:

– А почему тогда он почти целый год дружил с тобой, если ему нравилась я?

– Ну... мы нравились ему обе, – объяснила подруга. – Тогда на выпускном он выбрал меня, а теперь понял, что ошибся, и надо было выбрать тебя... Ну, так пойдёшь сегодня на танцы?

– Нет. Я не собираюсь вставать между вами.

– А ты и не встанешь, Маша! Я сама прошу тебя пойти на танцы с Максимом.

– Тань, неудобно...

– Машка, если ты не пойдёшь на танцы с Максом, я на тебя обижусь!

Таня всё-таки уговорила её пойти на танцы, но сама не пошла. Максима, очевидно, она предупредила, и он встретил Машу у Дома Культуры.

– Привет, – сказал он, и взял её под руку так, как будто они ходят на танцы вместе, по крайней мере, месяц, а не лишь второй раз.

Сначала Маше было немного не по себе быть вместо Тани, но скоро она привыкла и поняла, что ей нравится ходить на танцы с Максимом.

После танцев он проводил Машу до дома и назначил свидание через пару дней. Она согласилась.

А Таня прибежала к Маше на следующий же день и спросила:

– Ну, как?

– Что «как»? – не поняла Маша.

– Как прошли танцы? Макс тебя поцеловал?

– Нет, и не пытался.

– Странно, – удивилась Таня. – А меня поцеловал в первый же вечер, на выпускном.

– Он назначил мне свидание, – сообщила Маша.

– Пойдёшь?

– Тань, я не знаю... Получается, что ты мне доверяла, а я всё-таки увела у тебя парня...

– Маша, ты не увела его у меня, – терпеливо пояснила Таня. – Он сам ушёл к тебе, а это разные вещи. Так что не теряйся, подруга. Макс отличный парень, и вы очень подходите друг другу. Вы прекрасная пара.

– Ты что, уже мечтаешь меня за него сосватать? – засмеялась Маша.

– А что, неплохая идея, – согласилась Таня, почему-то совсем невеселым голосом.

Маша долго колебалась, идти на свидание с Максимом или нет, но всё-таки пошла. Они сходили в кино, погуляли по селу. Маше нравилось идти по улице с Максимом и болтать ни о чём. Это немного походило на «встречи» с Лёшкой Морозовым, только рядом шел настоящий, а не воображаемый парень, и это было совсем неплохо.

Провожая девушку до деревни, Максим сказал:

– Маша, я скоро ухожу в армию.

– Да, я знаю, – кивнула она.

– А ты уже решила, куда будешь поступать, или передумала учиться?

– Нет, не передумала. Пойду в политех, на машиностроительный факультет.

– В политех? – удивился Максим. – Я думал, ты пойдёшь в педучилище, будешь учительницей, как твоя мама.

– Нет, хочу стать инженером, как папа, – сказала Маша, и, решив сменить тему разговора, спросила: – Ты уже знаешь, когда уходишь?

– Да, – ответил он, остановился, повернулся к Маше, взял её за плечи и, глядя в глаза, спросил: – Ты будешь писать мне? Будешь ждать меня?

Она смутилась, не ожидая таких вопросов, и не думала, что придётся давать Максиму какие-то обещания. Почему-то возмутило, что на втором свидании он уже требует от неё чего-то. А сам даже ни разу не поцеловал. Но когда он вот так смотрел глаза в глаза, Маша не могла отказать, и неуверенно пробормотала:

– Да... если хочешь... буду.

Разумом она понимала, что должна ответить именно это, но сердце... сомневалось.

– Спасибо, Маша, – Максим улыбнулся и отпустил её. – Я знал, что ты это ответишь.

Теперь буду служить спокойно.

Они снова пошли рядом.

Маша была разочарована. Она полагала, что после данного обещания Максим должен её поцеловать, или хотя бы обнять. Набралась смелости и спросила:

– Максим, почему ты расстался с Таней? Почему не попросил её ждать тебя из армии?

Его смутили такие откровенные вопросы, но он ответил:

– Таня хорошая девчонка, она мне нравится. Но ты нравишься больше. Прости, что я не сразу это понял. Понимаешь... Таня... она... ветреная такая, несерьёзная. Не из тех, кто способен ждать. А ты способна.

– А вдруг ты ошибаешься?

– Нет, не думаю, что я ошибся в тебе.

Они расстались около Машиного дома, договорившись встретиться через пару дней. Едва Максим успел уйти, как примчалась Таня.

– Ну, как прошло свидание? – любопытствовала она.

– Обыкновенно, – ответила Маша.

– Он поцеловал тебя?

– Нет. Он попросил ждать его из армии. Я обещала.

– Машка, это же здорово! – воскликнула Таня. – Значит, он тебя любит!

– Он сказал, что я ему нравлюсь, но «я тебя люблю» не говорил, – уточнила Маша. – Да и я его не люблю.

– Но он же тебе нравится! – возразила Таня.

– Мне кажется, «нравиться» и «любить» – разные понятия, – парировала Маша.

– Ничего, ничего, через недельку-другую ты будешь в него такая же влюбленная, как я после выпускного, – заверила Таня. – Когда он тебя поцелует, ты сразу растаешь.

– По-моему, он вообще не собирается меня целовать, – чуть обиженно проговорила Маша.

*

Через два дня Максим пришёл к Маше домой, как они и условились. Она угостила его чаем с ватрушками, которые испекла сама, потом они сидели в комнате Маши и болтали, вспоминая школу, одноклассников и учителей. Но когда девушка обмолвилась, что в конце июля уедет в Киров, Максим удивился и насторожился:

– Зачем тебе уезжать в Киров?

– Как зачем? Ты что, забыл? Я буду поступать в политех.

– Но... ты пообещала ждать меня из армии, и я... хотел бы, чтобы ты ждала меня дома, – с легким нажимом проговорил Максим.

– Я буду учиться в Кирове, и ждать тебя из армии, – Маша улыбнулась.

Максим остался серьёзным.

– Маш, не ездь, – настаивал он. – Мне будет спокойнее, если ты будешь ждать меня здесь.

– Но я хочу учиться. И так уже целый год потеряла.

– А знаешь что? Давай вместе пойдём учиться, когда я вернусь из армии, – предложил Максим.

– Нет, за два года я совсем всё забуду, и не смогу поступить. Да и неохота еще столько времени терять.

– А ты и не потеряешь. Ты же будешь работать.

– Еще два года на ферме я не выдержу, – поморщилась Маша. – А больше у нас в деревне работать негде.

– Хочешь, попрошу маму, чтобы устроила тебя на маслозавод?

– И ходить на работу в село? Каждый день три километра туда и обратно? – возмутилась Маша. – Нет, я хочу учиться!

– Тогда учись на медсестру, воспитателя детского сада, продавца или швею... чем плохо?

– Тем, что я не хочу быть ни медсестрой, ни воспитателем, ни продавцом, ни швеёй. Я хочу быть инженером-конструктором.

– Маш, ты отличная девчонка, но, извини, надо реально оценивать возможности. Ты же не потянешь институт, даже если сумеешь поступить.

– А я и оцениваю реально. Поэтому поступаю не в МГУ или Бауманку в Москве, а в КПИ в Кирове, на машиностроительный факультет, где конкурс полтора человека на место.

– Но это тоже много, Маша! Сколько у тебя троек в аттестате? Три?

– Пять.

– Ну вот, а у меня две. Но я и то не рискнул в институт поступать.

– Ну, а я рискну, – сказала Маша раздражённо – ей совершенно перестал нравиться этот разговор. Лёшка Морозов никогда не стал бы так с ней разговаривать. Наоборот, поддержал бы её желание учиться.

– Но... на машиностроительном учатся одни парни, – пробормотал Максим. – Может, девушек туда и не берут.

– Берут, я знавала, – возразила Маша.

– Ладно, делай, что хочешь, – сказал Максим, исчерпав все аргументы, и Маша почувствовала обиду в его голосе.

– Не понимаю, почему ты против моего поступления в институт, – с недоумением проговорила она.

– Я же сказал, делай, что хочешь, – ответил Максим и встал, собираясь уходить.

Они условились встретиться через два дня, и он ушёл.

А вскоре пришла Таня. Маша с возмущением рассказала, что Максим не хочет, чтобы она поступала в институт.

– Маш, а может, тебе плюнуть на это высшее образование? – сказала Таня. – Давай лучше вместе в медицинское пойдём. Ты же не уверена, что поступишь в институт, а в медучилище мы обе легко поступим.

– Тань, вы что, сговорились с Максом? – засмеялась Маша.

– Нет, с чего ты взяла? – быстро возразила Таня.

Но Маша и не подумала верить. После ухода Максима прошло полчаса. За это время он мог вполне успеть встретиться с Таней и попросить помочь отговорить Машу от института.

– Ну, сама подумай, – продолжала подруга. – Девчонки из класса поступали в прошлом году в институты, и не поступили, а учились лучше тебя... Одна Макеева поступила, так она отличница. Я, например, не рискую в институт идти, хотя у меня вообще нет троек в аттестате.

– И ты еще спрашиваешь, с чего я взяла, что вы сговорились! – возмутилась Маша. – Да вы даже отговариваете меня одними и теми же словами!

– Ладно, я тебе расскажу, хотя Макс и не велел, – «раскололась» Таня. – Мы встретились, когда я шла к тебе. Он казался расстроенным, и я спросила, что случилось. И он попросил уговорить тебя не поступать в институт.

– И ты, конечно, согласилась, – усмехнулась Маша.

– Согласилась, потому что Максим прав, – сказала Таня. – Тебе не стоит поступать.

– Значит, вы оба считаете меня душой, неспособной получить высшее образование? – обиделась Маша.

– Нет, что ты, я так не считаю, – возразила Таня. – Я просто считаю, раз ты согласилась ждать Максима из армии, то должна ждать дома.

– Ничего я ему не должна! – проворчала Маша.

– Ну, как ты не понимаешь, Машка, он же беспокоится за тебя! – воскликнула Таня. – Знаешь, что он сказал?

– Что?

– Если мне не удастся уговорить тебя не поступать в институт, чтобы я там, в Кирове, за тобой приглядывала... Ну, чтобы ты ни с кем не гуляла, а то в этом политехе столько парней...

– Таня закатила глаза.

– Ничего себе заявочки! – возмутилась Маша. – Я еще не поступила, и еще не взглянула ни на кого, а он уже: «Приглядывай там за ней, чтобы ни с кем не гуляла»! А что же он просто не запрет меня на замок?

– Маш, чего ты так взбеленилась? Я бы на твоём месте радовалась, что он ревнует. Ревнует, значит, любит.

– Ревнует – значит, не доверяет! – отрезала Маша. – А я поводов для ревности не давала! Значит, моего обещания мало? Раз так, беру его назад! Так и передай ему, когда встретишь.

– Ничего я передавать не буду, – отказалась Таня. – Ты сама встретишься с ним. Только не вздумай говорить ему то, что мне сейчас сказала. И лучше сделай так, как он просит. Иначе потеряешь парня, и будешь потом локти кусать.

– Во-первых, терять мне некого, потому что ни с кем я больше не встречаюсь! – сердито ответила Маша. – Во-вторых, если встречу его случайно, выскажу всё, что я о нём думаю, а в-третьих... знаешь, что он о тебе сказал?

– Что?

– Что ты ветреная, несерьёзная, и не способна дождаться его из армии...

Она тут же пожалела, что сказала это. Таня сразу сникла, хотя старалась не подавать вида, замолчала и вскоре ушла.

Маша не пошла на свидание, и не вышла из дома, когда Максим сам к ней пришёл. Через несколько дней они случайно встретились в магазине, и он, поймав её за руку, спросил:

– Маша, в чём дело? Почему ты избегаешь меня?

– Разве Татьяна тебе еще не доложила? – усмехнулась она, вырвала свою руку из ладони Максима и направилась к выходу.

Он пошёл следом. Они вышли из магазина.

– Маша, я ничего не понимаю! Я тебя чем-то обидел?.. А Таню я уже давно не встречал. Вы что, обе на меня дуется? За что?

– Максим, скажи, ты меня любишь? – вместо ответа спросила Маша.

– Конечно, люблю, иначе не просил бы тебя ждать меня из армии. И мне было бы всё равно, где ты и чем занимаешься.

– А почему ты не спрашиваешь, люблю ли я тебя?

– Ты согласилась ждать меня, значит, любишь.

– А почему же мы не целуемся, не обнимаемся, если мы такие друг в друга влюблённые? Максим улыбнулся.

– Ах, вот в чём дело, – и протянул руку, чтобы обнять Машу, но она отступила на шаг:

– Сначала ответь на вопрос!

– Я думал... нельзя так сразу... – пробормотал Максим. – Я думал, тебе не понравится, если я на первом же свидании полезу к тебе с поцелуями...

– А на втором?

– На втором у нас был слишком серьёзный разговор, я хотел, чтобы у нас обоих головы были трезвые.

– Ну, а на третьем?

– Но это же было у тебя дома, твоя мама была за стенкой, как я мог!.. – возмутился Максим.

– Значит, Таньку можно на первом же свидании и целовать, и обнимать, а меня почему-то нельзя даже на третьем, – усмехнулась Маша.

– Но Таня не такая, как ты... ты строже, серьёзнее, целомудреннее.

– А если я такая, почему ты мне не доверяешь? – прищурилась Маша.

– Почему не доверяю? – опешил Максим.

– Если бы доверял, не стал бы упрашивать меня ждать тебя дома. Если боишься, что я соблазнюсь каким-нибудь городским парнем, то нам больше не о чём разговаривать. Если я дала обещание ждать тебя, это не даёт тебе права относиться ко мне, как к собственности! Поэтому беру свое обещание назад. Чао!

Маша повернулась к Максиму спиной и ушла. Он не стал догонять. Больше они не встретились.

Вскоре к ней пришла Таня и долго уговаривала помириться с Максимом, но Маша осталась непреклонна. Если, бывая в Лебяжьем по делам, замечала его на улице, переходила на другую сторону или вообще сворачивала за угол. Похоже, Максим сильно обиделся, и если замечал Машу, не пытался подойти и поговорить еще раз.

*

В середине мая Максим Широков и еще несколько Машиных одноклассников ушли в армию. Максима провожала Таня. Она была с ним до самого отъезда со сборного пункта, а вечером пришла к Маше.

Маша удивлялась, как Таня могла простить Максима, узнав, что он считает её несерьёзной, и общаться с ним, будто ничего не случилось.

– Почему ты не пришла проводить Максима? – спросила подруга, едва перешагнув порог Машиной комнаты.

– Чтобы он не подумал, что я буду его ждать. К тому же его провожала ты.

– Я провожала его как друг, а не как его девушка, – обиженно поджав губы, сказала подруга.

– А я не его девушка, – холодно ответила Маша.

– Он же тебе нравится.

– Нравился. Это в прошлом.

– Машка, ну как ты не понимаешь! – начала доказывать Таня. – Какому парню захочется, чтобы за его девушкой ухлёстывали другие, пока он в армии? Ну, он и попросил меня... приглядеть за тобой. Ты не должна обижаться на него за это.

– Ну, а я обиделась, – заявила Маша. – С чего вы оба взяли, что за мной кто-то будет ухлёстывать? Моя популярность резко возрастет от перемены места жительства? Или я, переехав в Киров, волшебным образом превращусь в писаную красавицу, от которой глаз не отвести?

– Ой, лучше бы я тебе ничего не рассказывала, – вздохнула Таня. – Я-то думала, тебе будет приятно узнать, как он о тебе беспокоится.

– А тебе было бы очень приятно, если бы к тебе приставили шпиона?

– Но я вовсе не собиралась за тобой шпионить, Маша! Ну чего ты уперлась с этой учёбой? Вон, Ленка же ждёт Володьку дома, никуда не уехала.

– И Максим решил, что я тоже должна сидеть дома, да? Может, он думал, что в городе, да еще на мужском факультете я начну резвиться, как коза в огороде? Естественно, мне это не понравилось.

– Мне тоже не понравилось, когда он решил, что я не смогу его дождаться. Но я его простила. И ты должна простить.

– Ничего я не должна! Ну не могу я полюбить того, кто мне не доверяет!

– Всё равно, Маша, зря ты отказалась от Максима. Он отличный парень, тебе такого больше в жизни не найти.

– Разве я спорю? – усмехнулась Маша. – Но мне нужен не такой.

– А вот ему нужна такая, как ты. Между прочим, когда я его провожала, он только о тебе и говорил, и велел поцеловать тебя за него, – Таня шагнула к Маше и чмокнула в щеку. – Он готов всё забыть, если ты ему напишешь.

– Он готов, а я – нет, – отрезала Маша. – Не буду я ему писать.

– Машка, я тебя не понимаю! – возмутилась Таня. – Ты же от своего счастья отказываешься! И Максим из-за тебя будет несчастлив.

– А чего ты за него так волнуешься? – прищурилась Маша. – Он же тебя бросил!

– Не бросил, а мы просто расстались, – сухо поправила Таня. – И волнуюсь я не за него, а за тебя. Если ты будешь рыться в парнях, как свинья, извини, в апельсиновых корках, так и останешься одна на всю жизнь.

– Это моя проблема, а не твоя.

– А я поняла, почему ты всех парней отшиваешь, – вдруг сказала Таня.

– Почему? – любопытствовала Маша.

– Никак не можешь забыть своего Лёшку Морозова.

– Как я могу отшивать парней из-за несуществующего человека? – усмехнулась Маша, понимая, что подруга права. Она влюблена в того, кого сама выдумала.

– Не знаю, но это так, – сказала Таня и добавила: – Знаешь, почему мы начали подозревать, что ты всё сочиняешь про Морозова?

– Потому что шпионили за мной.

– Нет, не поэтому. А потому, что твой парень был слишком идеальным. Слишком. Таких на самом деле не бывает.

– Знаю, – согласилась Маша. – И не собираюсь искать такого, как он. Я просто тоже хочу влюбиться в того, кто полюбит меня.

– Ну, так тебе долго придётся искать, – усмехнулась Таня.

– А я никуда не тороплюсь, – в том же тоне ответила Маша. – И выйти замуж для меня – не самоцель.

– Это сейчас ты так говоришь. А пройдет лет десять, будет тебе около тридцати, тогда забегаешь, но будет поздно, – пророческим тоном произнесла Таня.

– До тридцати еще целых двенадцать лет, куча времени, – беспечно проговорила Маша.

– Что ж, я тебя предупредила, – сказала Таня и ушла.

Она ушла недовольная и обиженная. Маше оставалось лишь надеяться, что подруга не будет дуться слишком долго.

И всё же стало почему-то грустно. Она почувствовала свое одиночество острее, чем обычно, и снова пожалела, что Лёшка Морозов был создан лишь её фантазией.

Давно наступил вечер, но Маша вышла на улицу и побрела на берег речки, на маленький пляжик, где уже несколько лет лежал ствол упавшего дерева. Маша любила сидеть на нём и мечтать. О том, как вдруг прошуршат по песку легкие шаги, она обернется и увидит Лёшку Морозова. «Привет, Маша. А вот и я», – скажет он, и она радостно ответит: «Привет». Знала, что этого никогда не случится, и всё равно ждала, что свершится чудо, и мечта материализуется. Сегодня ей, как четыре года назад, очень хотелось, чтобы Лёшка вдруг появился. И Маша сидела, затаив дыхание, напрягая слух и нервы, чтобы услышать и почувствовать его присутствие.

Но он, конечно, не появился.

Маша перестала ждать и нервно рассмеялась, а потом горько расплакалась.

ГЛАВА 6. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Август 1981 – июль 1982 гг.

Лето пролетело, как один миг, но как самый прекрасный миг в жизни Эллы. Провожая Лёшку в Москву на учебу, она опять заговорила о свадьбе.

– Пройдёт еще год, и мы поженимся. Скорее бы он прошёл! Я так хочу жить в Москве! Кстати, ты поговорил с дядей насчет квартиры?

– Нет.

– Ладно, у тебя еще целый год впереди, успеешь, – беспечно улыбнулась Элла. – Только не тяни слишком долго.

Но Лёшка знал определенно, что не сможет просить об этом дядю.

– Элла, я не буду с ним говорить, – решительно сказал он.

– Не будешь?

– Нет.

– Значит, ты не хочешь, чтобы мы поженились? – она обиженно надула губки.

– Лялечка, милая, очень хочу, но не могу просить дядю пустить на квартиру нас обоих, не могу! Ляля, пойми, мы не имеем права ломать привычное течение жизни дяди и тети. Они живут тихо, спокойно, и я подстраиваюсь под их ритм.

– Я тоже подстроюсь. Мы им мешать не будем. Они нас даже не заметят, так тихо мы будем себя вести!

– А если появится ребёнок?

– Уверяю, они будут безумно рады. Все бездетные люди обожают младенцев. Но можешь не беспокоиться, дети у нас появятся нескоро.

– Это почему? – насторожился Лёшка.

– Тебе сначала надо институт закончить, работу хорошую найти в Москве, – пояснила Элла. – Вот тогда и о детях будем думать.

– Ляля, я не буду ни о чём просить дядю, – твёрдо сказал Лёшка. – Лучше найду квартиру.

– Лёшка, ты что, не знаешь, как трудно найти квартиру в Москве? – воскликнула Элла. – А тут целая трёхкомнатная квартира пропадает! И только потому, что ты не хочешь поговорить с дядей! Даже если ты найдёшь квартиру, знаешь, сколько за неё придётся платить? Никакой твоей стипендии не хватит!

– Но дяде нам тоже придётся платить!

– Он твой родственник, и не будет брать с нас много! Ты сам говорил, что с тебя не берет ни копейки!

– Эллочка, не переживай, я получаю повышенную стипендию. Не сорок, а сто рублей.

– Что твоя повышенная стипендия! – раздражённо махнула рукой Элла. – Сегодня ты её получаешь, а завтра нет. Ты что, не понимаешь, если мы будем жить на съёмной квартире, а не у твоего дяди, мы никогда не получим постоянную прописку в Москве! А дядя твой родственник, он может дать нам постоянную прописку! Надо только его попросить! Он так любит тебя, он тебе не откажет!

– Во-первых, никакой он не родственник, – сердито проговорил Лёшка. – Ты забыла, что Павел Кузьмич мне не родной отец? Значит, и дядя не родной. А во-вторых, я не собираюсь всю жизнь жить в Москве.

– Не собираешься? Не собираешься?! – обиженно воскликнула Элла, и в её прелестных глазках блеснули слёзы. – А у меня ты спросил, чего хочу я? Тебе всё равно, да? Ты просто меня не любишь!

Элла повернулась, и хотела убежать, но Лёшка поймал её за руку.

– Лялечка, милая, как ты можешь так говорить? Я люблю тебя, очень люблю!

– Так докажи! Поговори с дядей! Лёшка, я так хочу жить в Москве! Это мечта всей моей жизни!

Элла умоляюще взглянула на Лёшку и всхлипнула. Он не мог видеть её слёз и пообещал:

– Мы будем жить в Москве, Элла. Я сделаю для этого всё, что смогу.

– Лёшка, я так тебя люблю! – воскликнула девушка, кидаясь ему на шею. И слёзы моментально высохли. – Ты самый лучший!.. Послушай, до твоего поезда еще почти час. Давай зайдем в «Рубин», посмотрим обручальные кольца.

Элле, как любой девушке, очень нравились украшения, и она с упоением рассматривала кольца, серьги, цепочки и подвески. Лёшка наблюдал за ней, пытаясь угадать, что ей нравится больше всего, чтобы подарить на свадьбу.

– Ой, Лёлик!.. – восхищённо прошептала Элла, схватив его за руку. – Посмотри, какая прелесть!

«Прелестью» оказалась небольшая золотая подвеска в виде цветка с крохотным камешком в центре. Ничего особенного, чем можно так восхищаться, Лёшка в подвеске не заметил. Красивая, но не шедевр. Зато камешек – настоящий бриллиант. Стоила эта «прелесть» тысячу рублей с лишним – почти годовая Лёшкина повышенная стипендия. Но он твердо решил, что к свадьбе Элла получит свою «прелесть».

– Идём на вокзал, а то опоздаю на поезд, – сказал Лёшка, и Элла с неохотой оторвалась от созерцания драгоценности.

У неё имелись и золотые цепочки, и подвески, серёжки и колечки, но всё это ни в какое сравнение не шло с бриллиантом, даже таким маленьким.

– Как думаешь, Лёлик, мы сможем когда-нибудь позволить себе купить бриллиант? – мечтательно спросила Элла.

– Возможно, – ответил Лёшка. – Когда я стану хорошим инженером, и буду много зарабатывать. Только зачем тебе бриллианты? Ты и так красивая.

– А с бриллиантами стану еще красивее.

До самого отправления поезда Элла молчала, погружившись в мечты о бриллиантовой подвеске. Лёшка тоже был задумчив, ломая голову над тем, как решить задачи, поставленные перед ним его любимой.

*

Задача с подвеской решалась просто: арифметически. Чтобы собрать нужную сумму, и не протянуть при этом ноги, нужно где-то подрабатывать. Поэтому Лёшка, приехав в Москву, отправился искать работу. Очень скоро нашел место дворника в ближайшем ЖКО – за шестьдесят рублей в месяц.

Другая задача оказалась сложнее. Лёшка попробовал искать квартиру, но вскоре убедился, что Элла права, и квартира им не по карману, даже если он будет по-прежнему учиться и работать. Он пробовал узнать, получит ли комнату в общежитии, если женится, и ему объяснили, что он сможет получить комнату, если жена тоже будет студенткой того же института. К тому же, общежитие не устроит Эллу, так как не даст постоянной прописки.

Круг замкнулся. А Элла в каждом письме спрашивала, поговорил ли Лёшка с дядей. Он уже боялся открывать её письма.

Он стал реже приезжать домой, отчасти из экономии, отчасти потому, что не хотел снова ссориться с Эллой из-за квартирного вопроса. А когда она спрашивала, поговорил ли он с дядей, отвечал:

– Лялечка, милая, я решаю этот вопрос. Не беспокойся, к тому времени, когда мы поженимся, у нас будет жильё в Москве.

*

Получив очередное письмо от Эллы, Лёшка едва не расплакался, потому что так и не нашел выхода из замкнутого круга.

Он сел за стол, решив честно написать, что с квартирой ничего не получается.

«В конце концов, если она меня любит, то будет продолжать любить и без московской прописки», – подумал он.

«Здравствуй, моя милая Лялька!» – начал Лёшка писать, но бросил ручку. Проверять таким образом прочность чувств девушки не хотелось. Разве она уже не доказала свою любовь тем, что почти пять лет они вместе?

Так он и сидел, грустно уставившись на чистый лист бумаги перед собой, пока не услышал стук в дверь, после которого в комнату вошла Ольга Петровна.

– Алёша, иди ужинать.

– Спасибо, тётя Оля, не хочу.

– Почему? – Ольга Петровна подошла поближе и взглянула на Лёшку внимательнее. – Ты не заболел, сынок? Ты какой-то бледный, что с тобой?

– Ничего, всё в порядке. Просто устал, – отговорился Лёшка.

– Леша, ты переутомляешься, – озабоченно сказала Ольга Петровна. – Учёба, работа, клуб – это не слишком? У тебя сердце слабое, его надо беречь... Если у тебя затруднения с деньгами, так попросил бы у нас.

– Спасибо, тётя Оля. Я не могу брать у вас деньги. Вы и так кормите меня, и не берёте плату за то, что живу у вас.

– Лёша, о какой плате ты говоришь?! – возмутилась Ольга Петровна. – Ты наш племянник, почти как сын, и мы очень рады, что ты живёшь у нас. А деньги... – Ольга Петровна взяла стул, под села к Лёшке и доверительно спросила: – Зачем тебе так много? У тебя какие-то проблемы? Неужели кто-то вымогает у тебя деньги?

– Тётя Оля, не беспокойтесь, деньги мне нужны не для этого, – сказал Лёшка.

– Хорошо, допустим. Но всё же... Ты в последнее время стал каким-то грустным, мрачным, не ешь ничего... – она вдруг заметила фото Эллы под стеклом и начатое письмо. – Может, ты с девушкой поссорился?

– Нет, – быстро ответил Лёшка.

– А кто эта девушка?

– Элла... моя невеста... Она живёт в Кирове. Летом мы хотим пожениться.

– А! Теперь поняла, ты хочешь сам накопить денег на свадьбу! – понимающе закивала Ольга Петровна. – А как же учёба?

– Еще не знаю... – замялся Лёшка. – Может, в Киров переведусь... А может... найдём здесь квартиру...

– Алёшенька, что ты говоришь?! Какую квартиру?! – возмутилась Ольга Петровна. – Квартиру он собрался искать! Толя, Толя, иди-ка сюда!

Анатолий Кузьмич вошёл в комнату.

– Что случилось, Оленька?

– Толя, посмотри на него, – указала Ольга Петровна на Лёшку, который сидел, опустив глаза и покраснев до корней волос. – Он собрался жениться!

– Так это же хорошо, – сказал Анатолий Кузьмич. – Что ты раскричалась, Оля?

– Толя, ты не дослушал! Он собирается жениться и искать квартиру!

– Квартиру? – удивился дядя. – А почему вы не хотите жить у нас?

Лёшке казалось, он сторит от стыда. Ему хотелось бы сейчас оказаться где-нибудь очень далеко от дяди и тети. Они могли подумать, что он нарочно начал этот разговор, а на самом деле это получилось случайно.

– Мы... не хотим стеснять вас, – пробормотал Лёшка.

– А вы нас и не стесните, – сказал Анатолий Кузьмич. – Вон у нас сколько места.

– Но... – начал было Лёшка, но Анатолий Кузьмич не дал ничего сказать:

– Ты думаешь, вы будете нам мешать, приглашая гостей и устраивая вечеринки с танцами? Напрасно. Этот затянутый ряской пруд давно пора хорошенько взбаламутить.

– Алёшенька, значит, мы договорились? – Ольга Петровна обняла Лёшку за плечи и заглянула ему в лицо. – Вы будете жить у нас, только у нас.

– Да... если вы настаиваете, – ответил он, всё еще не поднимая глаз.

– Твоя невеста учится, или работает? – поинтересовалась Ольга Петровна.

– Она заканчивает техникум, будет товароведом.

– Жаль... если бы она училась на медсестру, я бы устроила её к нам в больницу, – сказала Ольга Петровна. – Но это ничего, попрошу подругу, чтобы помогла твоей будущей жене устроиться на работу в магазин... Лёша, ты не представляешь, как нас порадовал!

Лёшка несмело улыбнулся.

– И, знаешь что, Алёша, – добавила Ольга Петровна. – Скоро Первое Мая, пусть твоя невеста приедет к нам на праздники. Пригласи её, нам так хочется с ней познакомиться!

– Приглашу, – пообещал Лёшка.

Когда дядя и тётя вышли из комнаты, он сразу написал Элле, что «квартирный вопрос» решён, и что дядя и тётя приглашают её в гости на Первомай.

Теперь Лёшка сам удивлялся, почему стеснялся попросить дядю поселиться у них после свадьбы. Они же пришли в полный восторг, Элла снова оказалась права. Правда, Лёшка не хотел всю жизнь жить в Москве, и надеялся, что со временем уговорит Эллу вернуться в Киров. А, скорее всего, она сама поймёт, что нигде им не будет лучше, чем в родном городе.

*

Элла с радостью воспользовалась приглашением и приехала к Лёшке на Первомайские праздники, на два дня. Она была восхищена квартирой – в доме сталинской постройки были высокие потолки, просторные комнаты, прихожая – на велосипеде кататься можно, толстые кирпичные стены и прекрасный вид из окон на историческую часть города.

Элла жалела только об одном: что не может прямо сейчас здесь остаться, потому что надо закончить учебу и отработать обязательную практику. Практика продлится до конца июня, как и у Лёшки – летняя сессия. И Элла предложила:

– Лёш, давай поженимся сразу после твоей сессии, и сразу поедem сюда! Надо столько всего сделать!

Она уже в который раз обвела комнату счастливым взглядом. Ей не терпелось переделать здесь всё по своему вкусу.

– Нет, моя королева, сразу никак не получится, – подумав, ответил Лёшка. – Я почти полгода не был в Кирове, хочу немного пожить дома. И заявление в ЗАГС подаю за месяц до свадьбы.

– Ладно, через месяц после твоей сессии, но не позже, – согласилась Элла. – А после свадьбы – сразу сюда. Надо предупредить гостей, чтобы не трудились выбирать подарки, пусть дарят деньги: мы всё купим здесь сами.

– Договорились, – ответил Лёшка, обнимая Эллу.

Весь день первого мая они бродили по Москве. Лёшка показывал Элле скверы, парки, памятники, церкви и соборы. А её просто распирало от гордости, когда на улице к нему обращались с вопросом, как пройти или проехать туда-то или туда-то, и он быстро и точно отвечал.

– Лёшка, ты стал, как настоящий москвич! И я тоже стану москвичкой! Скорее бы... просто не могу дождаться!

Элла ничуть не уставала от суеты и шума большого города. Лёшке порой казалось, что она черпает энергию от толпы. А сегодня особенно много народа из-за праздничной демонстрации.

Они вернулись, когда на улицах зажглись фонари.

Лёшка уступил Элле свою кровать, а сам собрался идти спать в гостиную на диван. Когда он в сотый раз пожелал ей спокойной ночи, и в сотый раз поцеловал, она вдруг сказала:

– Лёлик, а оставайся здесь, со мной. Мы ведь почти муж и жена. Нам хватит места.

Элла лежала в постели. Она подвинулась к самой стене, привстала и протянула Лёшке руки. Одеяло сползло, обнажив плечи и грудь, прикрытые только полупрозрачной комбинацией.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас остаться с Эллой, целовать и обнимать её, прижаться к ней всем телом. Она была так обворожительна в полуобнаженном виде, что Лёшка испугался не удержаться от соблазна.

– Нет, милая, не могу, – ответил он, отступая на шаг. – А вдруг тётя или дядя заметят, что меня нет в гостиной? Мы же еще не совсем муж и жена... А я не хотел бы, чтобы они плохо думали обо мне, и особенно о тебе.

– А если бы... если бы их не было дома, ты остался бы?

Лёшка не знал, как он поступил бы в этом случае, но ответил то, что Элла хотела услышать.

– Конечно, моя королева. Спокойной ночи, – в сто первый раз сказал Лёшка и, наконец, ушёл.

Он долго не мог уснуть, думая об Элле. Как же ему хотелось быть сейчас рядом с ней! Как хотелось плюнуть на все приличия, пойти и провести с ней эту ночь! Но он не хотел походить на отца даже самую малость, и твёрдо решил, что позволит себе близость с Эллой только после свадьбы. Лёшка вертелся всю ночь на жёстком диване, но не пошёл к ней.

Элла тоже долго не спала, ожидая, что Лёшка вернётся. Правда, почти не сомневалась, что его порядочность возьмет верх над страстью. Всё равно, очень хотелось провести эту ночь с ним, её первую ночь в Москве. Пусть это не совсем правильно, но какая разница, когда это случится, до свадьбы или после, если они всё равно скоро поженятся. Пока Элла сидела в добровольном домашнем заточении, она прочла много эротической литературы, которой в изобилии снабжал её Стас. Она никогда особенно не увлекалась чтением, но эти книги прочла с интересом. В них говорилось о физической любви, о которой она почти ничего не знала. А если что и знала из обрывков разговоров, подслушанных у взрослых, это были отрывочные разрозненные сведения, не дававшие полного представления об этом загадочном действе только для двоих. А в книгах, которые приносил Стас, об этом написано так откровенно...

Элла вспоминала красочные описания любовных сцен, и ей безумно хотелось попробовать всё на практике. Кстати, этим сценам добавляло романтики, что любовники в большинстве своём не были женаты.

Когда Элла уснула, увидела сон, как занимается любовью с Лёшкой. А что он так и не пришёл к ней, узнала лишь утром, когда её разбудил ласковый голос Ольги Петровны:

– Элочка, дочка, просыпайся, пора завтракать.

Лёшкиным дяде и тете Элла очень понравилась. Она внесла весёлую нотку в строгую размеренную жизнь Ольги Петровны, Анатолия Кузьмича и Лёшки. Дядя и тётя сразу стали называть её дочкой, а когда прощались перед отъездом, сказали:

– Дети, вы такая красивая пара, женитесь поскорее.

– Свадьба будет тридцатого июля, – ответила Элла. – И мы вас приглашаем.

– Спасибо, обязательно приедем, – пообещал Анатолий Кузьмич.

– Большое спасибо за то, что позволили жить у вас, – поблагодарила Элла. – Вы не беспокойтесь, мы будем платить за квартиру.

– Ты обижаешь нас, дочка, – ответила Ольга Петровна. – Никаких денег мы с вас брать не будем.

*

Элла приехала домой в прекрасном настроении. Всё складывалось, как нельзя лучше. Квартира в Москве, да еще какая! И абсолютно бесплатно. Элла была на седьмом небе от счастья.

После занятий в техникуме её, как обычно, встретил Стас.

– Не ходи ко мне больше, – сказала Элла и добавила с ноткой гордости в голосе: – Я замуж выхожу.

– За кого? – спросил он, будто сам не догадывался.

– Ну, не за тебя, конечно, – засмеялась она.

– Когда?

– Всё-то тебе надо знать.

– Но не завтра же?

– Не завтра, но очень скоро. Тридцатого июля. Извини, тебя на свадьбу не приглашаю.

– Да я и не мечтал, – обреченно проговорил Стас.

– А после свадьбы мы с Лёшкой сразу уезжаем в Москву, – похвасталась Элла.

– В свадебное путешествие? – уточнил он.

– Нет, – гордо ответила она. – Мы будем там жить.

– В студенческой общаге, что ли? – усмехнулся Стас.

– Фи, какое убожество, – фыркнула Элла. – У нас чудесная квартира в старом районе Москвы. И я постараюсь как можно реже приезжать в этот захолустный Киров. Поэтому давай расстанемся друзьями.

– Но ты же уезжаешь в Москву не завтра?

– И что?

– Значит, в субботу ты еще можешь пойти со мной на танцы? У меня два билета на лучшую дискотеку в городе.

Элла хотела сразу отказаться, но заколебалась. Лёшка почти два месяца будет в Москве. А ей что делать всё это время без него? Опять сидеть дома и читать книги?

«Схожу на дискотеку со Стасом последний раз», – решила Элла и согласилась.

Но и в следующую субботу она не смогла отказать Стасу, и весь май и июнь ходила с ним на танцы в разные Дома Культуры и дискотеки.

– Учти, Стасик, мы с тобой только друзья, а люблю я Лёшку, и скоро выйду за него замуж, – часто повторяла Элла.

Стас ничего не отвечал, обреченно улыбаясь. Но делал всё, чтобы Элла так к нему привыкла, что уже не могла бы без него обходиться. И правда, она скучала, если Стас почему-либо не приходил, хотя бы пару дней.

«Чтобы содержать семью, Лёшке придётся много работать, – расчетливо думал парень. – Снимать квартиру в Москве очень дорого, поэтому он будет вкалывать всё свободное от учёбы время. Лялька будет скучать дома одна. И тут появлюсь я. Она не устоит».

В конце июня Лёшка приехал домой, и Стас, ни слова не говоря, ушёл в тень. Элла была ему даже благодарна за то, что не давал скучать в отсутствие Лёшки.

В тот же день Элла с Лёшкой подали заявление на регистрацию брака. Они отметили это событие в кафе, потом он проводил её домой и зашел выпить кофе.

– Так не хочется расставаться с тобой, Лялечка, – сказал он, когда его чашка опустела.

– Так оставайся у меня, – сразу предложила она. – Предков нет дома, они летом живут за городом, на даче.

– Я не это имел в виду, – смутился Лёшка. – А то, что мне завтра придётся уехать... ненадолго, недели на две, – добавил он быстро, заметив разочарованный взгляд Эллы.

– Куда?

– В Молому, к бабушке.

– Лёшка, ну зачем тебе уезжать? Я по тебе так соскучилась, – капризно сказала Элла.

– Мне нужно заработать денег и купить тебе подарок к свадьбе, – ответил Лёшка.

– Подарок? – оживилась она. – А какой?

– Секрет.

– Лёлик, я же умру от любопытства, скажи!

– Нет, потерпи до свадьбы... А, может, поедешь со мной? Тогда не придётся расставаться.

– О, нет, я терпеть не могу деревню, – поморщилась Элла. – Лучше подожду тебя здесь.

Возвращайся скорее!

– Вернусь, как только заработаю достаточно денег, – ответил Лёшка. – Максимум – через две недели. Ну, пока?

Он встал и пошёл к двери.

– Тебя не будет две недели, так хотя бы сегодня останься со мной, – сказала Элла.

– Не могу, милая, – ответил Лёшка с сожалением. – Поезд отходит очень рано, а еще надо собраться.

– Но дома никого нет. Помнишь, в Москве ты говорил, что остался бы...

Лёшка обнял Эллу, и несколько минут они самозабвенно целовались. Элла чувствовала, что он возбужден и взволнован не меньше, чем она, но всё же он отстранил её и снова шагнул к двери.

– Я очень хочу остаться, Ляля, правда, но не могу. Я хочу, чтобы белая фата в день нашей свадьбы действительно символизировала твою девственность. Мы ждали дольше, неужели еще один месяц не потерпим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.